

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses on black branches with green leaves. The roses are stylized with multiple layers of petals, and the branches are thin and curved. The leaves are simple, pointed shapes.

Владимир Власов

Волшебное зеркало

Мудрость даосов. Книга 22

18+

Владимир Фёдорович Власов

Волшебное зеркало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48770339

SelfPub; 2020

Аннотация

Волшебное зеркало – это наше сознание, через которое мы проникаем во внешний мир и познаём его. В древности даосы считали, что с помощью сознания мы можем не только постигать мир, но и управлять им. Эта книга составлена из ста рассказов о чудесах, необъяснимых явлениях и о духах из потустороннего мира. В этих рассказах древние философы утверждали, что при использовании совершенной мысли мы можем не только совершенствоваться сами, но и изменять мир по нашему усмотрению. Мир настоящий и мир прошлый – это единый мир. И как говорил Юань Мэй в своих рассуждениях: "Ведь золото или яшма, вырытые сейчас из земли, не перестанут считаться драгоценностями, так же как кирпич и черепица, дошедшие от древних времён, не могут считаться драгоценностями". Но для того, чтобы совершенная мысль превращалась в золото или яшму, необходимо достигнуть молниеносного просветления, когда, как в зеркале, становится ясен весь нравственный порядок мира, несущий с собой моральное и интеллектуальное совершенство.

Содержание

Волшебное зеркало	4
Изгнание лис из дома	33
Пойманный призрак	37
Почтенный Мастер Су	40
Любовник уток	44
Дух каменной черепахи	46
Призрак, играющий с петардой	55
Очарование Яна Касьона	58
Трансформация души собаки Хуа	63
Хозяин перекрёстков и дорог пресеченья	66
Нерадивый студент У	69
Патриарх всех магов лисьих	73
Обманутые женой бога	78
Хорошенькое маленькое приведение	81
Духи, претворяющиеся, что говорят по-мандарински	83
Пьющий бог города	86
Два великих способа взаимодействия с духами	90
Бессмертная проститутка	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Волшебное зеркало

1

Во времена Суй жил мудрец Ху, всем давно известный,
Из Фэйнина, в империи о нём все говорили,
Он для Ван Ду был покровителем, как дух небесный,
Служил ему тот долго, и они всю жизнь дружили.
А перед смертью своей Ху оставил в завещанье
Ему стариннейшее зеркало, ручной работы,
С припиской: «С ним ты победишь любые злодеянья,
Ни у кого не будет враждовать с тобой охоты».
Ван Ду то зеркало в дар принял с радостью огромной,
С краёв вёл путь по четырём небесным направленьям:
С драконом, тигром, аистом и фениксом в движенье
В те сферы, где дух миром правил волей всеобъёмной.
Триграмм восемь в небесных направлениях стояли,
Вокруг двенадцать спаренных часов в обозначенье,
Где каждый час животных символами представляли,
И шрифтом Ли природы все отмечены явления.
Мудрец Ху объяснил: «В нём скрыта тайна всего мира
О символах и о путях развития мирозданья.
И через них мы можем провести своё сознание,
Проникнув в тайны всех сил высших творчества эфира».
Когда то зеркало под солнечный луч попадает,
То возникают символы на стороне обратной,

А в зеркале сам образ истинный свой лик являет,
Как бы в себе вещь не преображалась многократно.
Если поднять его вверх и ладонью слегка хлопнуть,
То издаёт он светлый тон и весь день не стихает,
Звук этот человека от несчастий охраняет,
Любое злое дело, не начавшись, может лопнуть.
Да, это зеркало волшебное, а не простое,
И в руки попадает к благородным только людям,
К тем, сущностью кто обладает доброй, не пустою,
О ком в народе как о добрых мудрецах все судят.
Рассказывал Ху: «Слышал я давно одно преданье,
Пятнадцать зеркал, Жёлтый Царь сказал, чтобы отлили,
По дням увеличения луны иль убыванью,
Размером в один чи до пяти цуней они были.
Восьмое зеркало это содержит равновесье,
Где силы Ян и Инь души к гармонии приводят,
Во всех делах порядок им владеющий наводит,
И может с лёгкостью проникнуть в тайны поднебесья».

2

Владела семья Ян кольцом волшебным бесконечно,
И многим поколениям это счастье приносило,
Но потерял Чжан меч свой, что его и погубило,
Ван Ду, познав в хаосе времени всю скоротечность,
Почувствовал подавленность: всё и везде шло прахом –
Страна вся пребывала в смуте, в полном запустенье,
И не было нигде не отдыха и не спасенья,

И катастрофа близилась огромного размаха.
Произошло всё оттого, что зеркало исчезло.
Трагедия неслыханная! Но как это случилось?!
Быть может, человечество всё поглотила бездна
Безумия, из этого и гибель получилась?

Давайте ж проследим путь зеркала с возникновенья.

Узнаем, кто владел им, и к нему как относился,
Ведь много тысяч лет прошло после его рожденья,
Менялись обстоятельства, мир с нами изменился.

На пятом месяце седьмого года при правленье

С девизом «Высшие дела» (611 г.) Ван Ду отбыл на службу

В Хэдун, где принял должность цензора в том управленье,

И получил то зеркало от Ху, водил с кем дружбу.

В шестой же месяц Вана вдруг в Шанъань срочно призва-

ли,

Когда он прибил в Чанлепо, в гостинице остался,

Хозяин Чэн Сиюн всё угодить ему старался,

Дал девушку, которую все Попугаем звали.

Она была стройна и с красотой, необычной,

Всех постояльцев обращала на себя внимание,

За ней ухаживали посетители привычно,

Так как притягивало всех её очарованье.

Когда Ван Ду снял комнату в гостинице дорожной,

То вытащил из сундука одежду и наряды,

Решил все вещи в надлежащий привести порядок.

И вынул зеркало, все вещи на столе разложил,

Взял зеркало и поглядел в него, мелькнули тени,
Служанка, вздрогнувшая, в отдалении стояла,
О пол ударилась до крови лбом, встав на колени.
– «Я не могу здесь находиться»! – в ужасе вскричала.

Ван Ду позвал хозяина, чтобы спросить причину.

– «Два месяца назад, – сказал тот, – прибыл гость с востока,

С собою, как служанку, он привёз эту дивчину,
Был болен, попросил, чтоб здесь была она до срока:

3

– «Когда вернусь опять, я заберу её с собою».

Не знал, что с нею делать я, и здесь её оставил».

Ван Ду решил, что она – бес, не даст ему покоя,

И вынул своё зеркало и на неё направил.

– «Меня не умертвляйте, – плача, девушка взмолилась, –

Клянусь, что я приму свой прежний вид, в живых оставшись»!

Крик тронул Ван Ду, зеркало убрал он, сдавшись,

Сказал: «Тогда всё расскажи, откуда ты явилась».

Рабыня дважды Ван Ду поклонилась и сказала:

– «По возрасту я есть тысячелетняя куница,

Но как б там не было, считаю я себя девицей,

А родилась я у кумирни, что близ гор стояла,

Средь сосен, ближняя гора там Хуашань зовётся,

За свою жизнь я много безобразий натворила,

И, может быть, за все поступки казни заслужила,

Мне до сих пор скрываться от расплаты удаётся.
Бежала в местность я меж Хуанхэ и Вэй-рекою,
Меня вдова Чжэн, сердобольная, там приютила,
Установились отношенья между ней и мною,
Как между матерью и дочкой, так меня любила,
И замуж выдала за Чай Хуа из того места,
Но он меня не понял, и я вскоре убежала
На запад, я была свободная, из-за протеста
Всё делала ему назло, хоть и не возражала.
Покинула я округ Ханьшэн и с купцом столкнулась,
Ли Вао, он меня как тень таскал с собой повсюду,
Был груб, я исполняла всякую его причуду,
В такие мерзости я, находясь с ним, окунулась.
И вот пришли мы с ним сюда, и он меня покинул,
Не ждала я с небесным зеркалом здесь повстречаться,
Как видно, человеческий срок жизни моей минул,
Придётся мне, к несчастью, в прежний образ превращать-
ся.

– «Так значит, старый лис, – ты в человечьем превраще-
нье, -

Сказал Ван Ду, – а в жизни причинял ли зло ты людям?
Ведь тот, кто чинит зло, то делает он преступленье,
Заслуживает смерть, пощады никакой не будет».

– «В том, что я делала, не вижу зла я, никакого,
И разве преступленье – в человека превращенье,
Когда же это делается для его служенья?»

Всё это нравственно, но я боюсь другого:

4

Когда бегут и прячутся, и в призраки играют,
То это для морали духа худшее из худших,
Тогда и смерть вполне заслуженно их настигает,
И чем жить так, всегда таясь, расстаться с жизнью лучше».

– «А если пощажу, ведь я могу себе позволить»? –
Сказал Ван Ду. «Я вся в смущении от благородства,
Но разве в мире кто-то может к этому неволить?
Никто б не посчитал это добро за сумасбродство.
Во мне вовек не сможет доброта эта забыться,
В волшебном зеркале я если тень свою увижу,
То не смогу в обратный образ, прошлый, обратиться,
Ведь человеческая сущность для меня намного ближе.
Поэтому я больше не желаю быть лисою,
Так как я женщиной уж прожила тысячелетье,
Я благодарна, можете располагать вы мною,
Моею красотой упиваться хоть столетье.
Я буду предана вам, зеркало не вынимайте,
И подарю вам лучшие минуты наслажденья,
Любите так, как пожелаете, и обнимайте,
В любви я доведу вас до экстаза и забвенья».

– «Но если спрячу зеркало, останетесь со мною»?

– «От зеркала не спрячешься, – красавица сказала, –
Куда бежать, всё если предназначено судьбою,
Ещё лучше прожить всё от конца и до начала».

В футляр убрал Ван Ду то зеркало и рассмеялся,
Поить вином гостей стал, и служанка захмелела,
На бурное веселье весь народ к нему собрался,
Служанка стала танцевать и в танце вдруг запела:
«О зеркало волшебное судьбу определило
Мою с те пор, как я, родившись в мире, изменялась!
И сколько я менялась, образы всё находила,
Но вот, кем я была первоначально, не осталась.
Жила я весело, и грустной смерти не хотела,
Так как всегда в веселье находила упоенье,
Вот и сейчас в веселье нахожу я вдохновенье,
Но на земле жизнь в радости, как видно, устарела».
Закончив петь, служанка всем два раза поклонилась,
И пение, и танец душу всех перевернули,
Служанка в старую лису, вмиг сдохнув, превратилась,
Потрясены все были переменой и вздохнули.

5

В четвёртом месяце в восьмой год «Высшего деянья» (612 г.)

Затмение случилось, Ван Ду был уж ревизором,
В то время он расположился в одном старом зданье,
И вдруг заметил, солнце гаснет, своим цепким взором.
Тут доложили служащие, солнце что темнеет,
Он вынул своё зеркало и обратил вниманье,
Что тоже потемнело оно, блеск его тускнеет,
И он определил, что думать есть все основанья,

Что потускненье зеркала волшебного зависит
От изменений между Ян и Инь сил отношений,
Когда есть перемены в тонкостях небесных высей,
Влияет на добро и зло земные все смешенья.
И если в зеркале волшебном уже нет сиянья,
Ни значил это ли, что сила солнца иссекает?
И если всё от солнечного рождено влиянья,
То значит, внутренняя сила в чём-то убывает.
От этой мысли Ван пришёл в большое удивленье,
Но вскоре вновь по-прежнему вокруг всё посветлело,
Так как к концу приблизилось небесное затменье,
Всё засияло, зеркало небесное вспотело,
Но вскоре снова в полноте и блеске озарилось,
Как бы на солнечный свет лунный свой свет поменяло.
Ван понял, что всегда в нём что-то тайное таилось,
И это тайное всё в омрачение скрывалось.
Имел друг Вана Сюэ Ся меч бронзовый волшебный,
Длинной в четыре чи и в форме лунного дракона,
А рукоятью феникс был из золота, победный,
Клинок – как молния по центру пламенного фона.
Его меч тоже по ночам светился светом странным,
И отличался от вещей, что были в обиходе,
Такие вещи редко всё ж встречаются в природе,
О чём и говорил Сюэ Ся с Ваном постоянно:
«Уже давно я наблюдаю за мечом волшебным,
Он в середине месяца вдруг издаёт свеченье,

В крошечной темноте светиться начинает светом бледным,

Сияние везде распространяет, к удивленью.

Давно уже находится в моём он обладанье,

Я знаю твою страсть к вещам всем странным и старинным,

Она в тебе как голод или жажда при познании,

Быть может, этой ночью мы расследуем причины

б

Всех этих странностей, и меч на пробу испытаем?»?

Ван Ду обрадовался, всё проверить согласился,

Сказав: «Ты прав, в чём суть явлений сих, ведь мы не знаем,

Вот было б хорошо, если б секрет этот раскрылся».

Была ночь тихая, луны светилась половина,

Они закрылись в комнате, и все заткнули щели,

На стол меч рядом положили с зеркалом и сели,

И вдруг предстала перед ними странная картина:

Внезапно зеркала свеченье тьму всю озарило.

И всё залило светом своим будто в полдень ясный,

Но света от меча, что рядом был, не исходило,

Сколько ни ждали они света, всё было напрасно.

– «Спрячь зеркало в футляр скорей», – просить стал Сюэ

Вана,

Тот его спрятал. Тут же лезвие вдруг воссияло,

Сиянье ж было небольшим, сил свету не хватало.

Вздыхнув, Сюэ сказал: «Всё видеть это очень странно,

Видать, такое средь магических вещей бывает,
Как и у нас, там равенства нет, меру всё имеет,
Когда при действии одно другое подавляет,
И в противостоянье преимуществом владеет».
С тех пор Ван Ду на зеркало стал обращать вниманье,
И в середине месяца во тьме с ним оставаться,
Оно всё освещало, словно днём, своим сияньем,
Ван Ду не мог на своё зеркало налюбоваться.
Но стоило лучу луны проникнуть в тьму ночную,
Как зеркала сиянье гасло, как от дуновенья,
Подумал Ван, что собственное зеркала свеченье
Ни с солнцем, ни с луной связь не имеет никакую.
Зимой в тот год Ван Ду историей страны занялся,
Редактором имперской летописи став в столице,
Статью о биографии Су Чу писать собрался,
Во время сбора фактов он не мог не удивиться:
У Вана раб был, шесть десятков лет уже проживший,
И звали Леопардом его, ум имевший ясный,
Когда-то в семье Су он жил, доверенным служивший,
Начитан был, умел писать и сочинял прекрасно.
Когда писал Ван биографию в самом начале
Семейства Су, раб пробежал глазами середину,
Ван видит, что раб думает и чем-то, опечален,
Его взял за руку, спросил печали той причину.

7

И тот сказал: «Я был там на хорошем положенье,

Всегда его трудами и словами восхищался,
Волшебное он зеркало имел в своём именье,
Всегда с которым где-либо в досуг уединялся.
Ему его друг из Хэнани подарил когда-то
Мяо Цзи-цы, Су зеркало ценил и восхищался,
Признался, встретив, раз ему Мяо Цзи-цы, как брату:
«Смерть близится ко мне, поэтому я с ним расстался.
Теперь оно в твоих руках уж будет находиться,
Я на тысячелистнике сам совершил гаданье,
И десять лет лишь у тебя продлится пребыванье
Его, потом же вынуждено будет оно скрывается.
Сказал оракул, что объявится оно внезапно
Меж Хуанхэ и речки Фэн у мудреца Ху снова,
А после к Ван Ду, цензору и ревизору слова,
Уйдёт, куда потом – оракул тот сказал невнятно».
Всё рассказав, глаза раба слезами увлажнились,
Ван Ду, узнал, что у семьи Су зеркало имелось,
Потом, каким-то странным образом, куда-то делось,
Так что слова раба после проверки подтвердились.
Ван в биографии Су одно сделал замечанье,
Что, как учёный, часто тот гаданьем увлекался,
Но то, что узнавал, скрывал и не распространялся,
О факте, что он зеркало имел, хранил молчанье.
В девятый новый год в девиз «Великое деянье» (613 г.)
К Ван Ду в ворота дома монах странный постучался,
Ван Цзи, брат Ван Ду, вышел к страннику и повстречался

С даосом необычным, обладавшем высшим знанием.

Тот попросил его впустить, беседа завязалась,

Ван Цзи монаха накормил, наговорившись вволю,

Сказал монах: «Вам счастье выпало на вашу долю

Волшебным зеркалом владеть, последним, что осталось

В мире среди людей, и вы должны этим гордиться,

Мне так хотелось б посмотреть на это чудо света,

Одним всего только глазком, чтоб в этом убедиться,

Что оно в нашем мире есть, и что не сказка это».

– «Откуда знаете вы это»? – Ван Цзи удивился.

– «Я тайным знакам следую и средствам скрытым вся-

ким,

Могу узнать повсюду, где свет тайный появился,

Магическое светит всё сиянием двойким,

8

А ваш дом свет невидимый, но сильный, излучает,

Который достаёт сейчас до солнца синим светом,

А розовым туманом до луны аж проникает,

Лишь зеркало небес так проявляться может в этом.

Два года скрытно наблюдал я за таким явлением,

И выбрал подходящий день, чтоб зеркало увидеть,

Вот и сказал причину своего я появления,

Не стал скрывать я ничего, вас чтобы не обидеть».

Ван Цзи то зеркало принёс, монах же опустился

Пред ним, на пол встав на колени, и благоговейно,

Коснувшись пола лбом, руки сложил и помолился,

Затем он отстранился от реликвии, семейной.

– «Особенностей много это зеркало имеет, -

Сказал он, – многое из них сейчас нам неизвестно.

Я слышал, что оно внезапно ночью вдруг потеет,

Передвигаться может с места на другое место.

И если пастой золотой поверхность намагнитить,

И пудрой протереть из жемчуга слегка до пены,

На солнце подержать, то проходить можно сквозь стены,

И всё, что происходит, за преградами увидеть.

Другой же метод применить, то заглянуть возможно

Туда, куда мы взором заглянуть не в состоянье,

Понять всё можно в простоте своей, что очень сложно,

Открыть в себе возможность – проникать в суть мирозда-

нья.

Но к сожалению, нет субстанций для эксперимента

Со мной, чтобы на практике всё в точности проверить.

Чтобы создать возможность появления момента,

Когда зеленоватым паром можно время мерить,

Ведь от него туман светло-зелёный создаётся,

Способный нас переносить в другое измеренье,

Когда проникнуть нам в другое время удаётся,

И делать для судьбы грядущие все измененья.

Ведь это зеркало даёт возможности и силы

Такие, что при помощи их всем нам всё даётся,

Любой из нас желанного успеха с ним добьётся,

Дать может нам такое счастье, чтоб на всех хватило».

Брат Вана и монах с тем зеркалом туман создали,
Светло-зелёный, но вступить в него Ван побоялся,
Монах один вошёл, и поглотили его дали
Грядущего иль прошлого, Ван с зеркалом остался.
9

Монаха больше в жизни не встречал он, сожалея,
Что не отправился с ним странствовать по свету вместе.
Ван Ду в тот год по службе оказался в другом месте
С названием Жуйчэн, предписание царя имея,
Инспекцию там провести, в ямыне поселился,
Где возле офиса рос ильм, огромный и старинный,
Народ, рядом живущий, дерево то сторонился
И говорил, что оно в бедах и во зле повинно,
И нужно жертвоприношенья ему делать часто,
Иначе не заладится жизнь и несчастья будут,
Оно судьбой живущих всех здесь управляет властно,
Пройдёт сто лет, а жертвы приносить все не забудут.
Но Ван Ду был по поводу того другого мненья,
Сказав, чтоб жертвы больше дереву не приносили,
Что это – суеверие людей и заблужденье,
И отказался жертвовать, его как не просили.
Подумал он, что бес тайно тем деревом владеет,
Живёт в нём, принимает жертвы, пьёт, жрёт, бодр и весел,
Поэтому на жителей влияние имеет.
И чтоб пресечь его власть, зеркало на нём повесил.
А ночью во вторую стражу шум он друг услышал,

Раскаты грома словно возле дерева гудели,
Он встал, оделся, во двор здания поспешно вышел,
Увидел, вокруг древа кольца пламени горели.
Во тьме как будто штормом сильным дерево качало,
И блики ввысь то поднимались, вглубь то уходили,
Наутро сразу стало ясно, когда рассветало:
Огромная змея лежала у корней, что были.
Сиреневая чешуя, хвост красный, лоб зелёный,
Рожка два на макушке, и написано «Князь» было,
Змеиный торс в местах был многих в ранах, опалённый,
Как видно, зеркало той ночью ту змею сразило.
Увидев ту змею, чиновники все поразились,
Ван Ду им приказал, то вырвать дерево с корнями,
Когда упало дерево, ходы под ним открылись,
Где мёртвая нашлась змея-царица меж камнями.
Сожгли обе змеи, и все несчастья прекратились,
Ван Ду перевели в провинцию Хэбэй главою,
Где голод начался и все запасы истощились,
Народ страдал, измученный весь голодом, нуждою.

10

В Пучжоу и Шаньчжоу эпидемия возникла,
Семья Чжан Лун-цзу из Хэбэя Ван Ду подчинялась,
(Двенадцать человек), вся, заболев, в жару металась,
Ван Ду отправился к ним, новость лишь его достигла.
Взяв зеркало, пришёл к ним, а они уж умирали,
Оставил его в доме их, к себе сам возвратился,

А утром уже все здоровыми в их доме встали,
О зеркале том слух сразу везде распространился,
Все стали к Чжану приходить, и зеркало лечило,
Болезнь их тут же исчезала, и все говорили:

– "Мы видели, как ярко в их семье что-то светило,
И душу согревало, все болезни проходили.

Из места, там, откуда исходило то сиянье
Как будто льдом и холодом до пят нас обдавало,
Жар прекращался, понижалось чувство нагревания,
А к вечеру всё проходило, лёгкость наступала".

Ван Ду считал, что зеркалу вреда то не наносит,
Позволил Чжану всех людей леченьем заниматься,
Считая, что оно в леченье пользу всем приносит,
И думал так, что это долго будет продолжаться.

Однако, как-то вечером произошло событие,
Когда вернули зеркало, и Ван, в футляр влагая
Его, услышал странный звук, и родилось открытие:
В том самом зеркале как бы душа была живая.

На следующий день всё то же с ними повторилось,
Ван услышал звенящий тон, который долго длился.
Как будто с зеркалом что-то внутри его творилось,
Ван, слушая, как зеркало звенит, дивился.

А утром Чжан Лун-цзу сказал ему со страхом робко:

– «Ночь прошлую пришёл ко мне во сне мудрец печаль-
ный,

В змеином теле с головой дракона, как коробка,

В одежде красной, и стал говорить необычайно:
– «Я – зеркала дух, Драгоценностью зовусь Небесной,
В твоём я доме волшебство своё распространяю,
И почитаем всех людей любовью, всем известной,
Я должен вам признаться в том, что я здесь совершаю.
Секретом этим с господином Ваном поделитесь:
Народ ваш провинился, Небо кару посылает,
Болезнь эту, которой вы сейчас болеть боитесь,
Но Небо справедливо за грехи ваши карает.

11

И почему спасти я должен против Неба воли
Народ ваш? Через месяц, два, он сам станет здоровым,
Я ж, вас спасая, трепещу весь от душевной боли,
Меня б не мучали вы испытаньем своим новым»!
Узнал так Ван о сущности магической зеркальной,
Которая запечатлелась в глубине сознания,
А через месяц всё сбылось, согласно предсказанью,
Народ стал выздоравливать вдруг волею сакральной.
В десятый год периода «Великие деянья» (614 г.)
Ван Цзи, брат младший Ду, домой со службы возвратился
Из Люхэ, где во время своей службы изменился,
Решив, свою жизнь посвятить приобретенью знанья,
Отречься от привычной жизни, в странствия пуститься.
Ван Ду старался дома удержать брата внушеньем,
Но никакие не удерживали убежденья,
Брат, слушая его слова все, начинал лишь злиться.

Тот говорил: «В империи сейчас всё неспокойно,
Кругом полно бандитов и смутьянов нехороших,
Ты беден, как сумеешь ты вести себя достойно?
Куда пойдёшь? Когда вдруг опустеет твоя ноша?
С тобой мы жили дружно, никогда не расставались,
И если ты уйдёшь, как будто, этот мир покинешь.
Когда-то в старину святые старцы направлялись
В места святые, их уж нет, и, как они, ты сгинешь».
В большом расстройстве посмотрел на брата, чуть не пла-
ча,

Ван Ду, не зная, как его дома оставить можно.
Он понимал, что в его возрасте с ним спорить сложно,
А переубежденье – непосильная задача.
– «Моё решенье твёрдое, – сказал Ван Цзи тут брату, -
Не сможешь изменить его ты никаким советом,
Ты оказался прав, я в этом мире не богатый,
Но ведь само богатство – в нас, а не лежит там, где-то.
Сейчас умнейший человек – ты, всей нашей эпохи,
Но, к сожаленью, не даёт тебе ум пониманья.
Ведь люди в нашей жизни все живут, как скоморохи,
И единицы лишь из них владеют высшим знаньем.
Конфуций говорил, и это каждый из нас знает,
И этим я могу сейчас с тобою поделиться:
«Обычный человек желания не выбирает».
А человеческая жизнь всего лишь сто лет длится.

Она через расселину в скале прыжку подобна,
Когда достигнешь, что желает сердце, рад до боли,
Когда ж поддержка рушится, жить не желаешь более.
Так что любая помощь при желании удобна.

Нетронуты желаньем лишь святые остаются.
Другие же горят желаньем цели достижения».

И пронял Ван Ду, что они тут с братом расстанутся,
И ему нужно дать напутствие и наставленье.

– «Прощаясь, – брат Ван Цзи сказал, – есть у меня желанье,

Вернее, просьба, дашь мне это зеркало в дорогу?

С ним буду приближаться к Истине я понемногу,
И накоплю в себе необходимые все знанья.

Ведь сущность зеркала, магического, необычна,
Она достичь поможет мне заоблачные дали,
Увидеть те места, какие люди не видали.

И испытать те чувства, кои людям непривычны».

– «Но разве для тебя могу я пожалеть чего-то»?! –

Сказал брат Ван Ду брату, зеркало передавая,
Тот, его взяв, тут же ушёл, промолвив тихо что-то,
Пошёл туда, куда хотел, куда ж хотел, не зная.

А летом в год тринадцатый «Великого деянья» (617 г.)

Ван Цзи назад вернулся в Чанъань с зеркалом чудесным,

Преодолев за время то большие расстоянья,

Соскучившись по достопримечательностям местным.

Сказал он брату: «Зеркало, и впрямь, та драгоценность,

Которую беречь должны мы как зеницу ока,
В пути я только понял его истинную ценность,
Поэтому вернулся раньше нужного мне срока.
Когда расстались мы, отправился я сразу в горы,
В предгорье близ Соншань на Шаоши гору поднялся,
Открылся вид там перед восхищённым моим взором,
Полдня на камне я сидел, пейзажем любовался.
Прошёл мост каменный, у алтаря остановился,
Уже смеркалось, подошёл к скале я одинокой,
Была пещера с гротом там в расщелине глубокой,
Где было человек пять-шесть, и там я помолился.
В пещере опустился на пол, отдохнуть собрался.
В ночь лунную ещё два человека появились.
Один как иностранец был, и оба поклонились,
Уселись недалече, иностранец лечь пытался.

13

Он был худым, цвет карий глаз, с седою бородою,
Назвал себя он Горцем, был в халате полосатом,
Другой был маленький, но коренастый, пред собою
Держал мешок дорожный, и назвался Волосатым.
– «Кто вы, – просил, – и почему вы здесь остановились»?
– «Тот, скрытые следы кто ищет и всё замечает, -
Ответил я. Услышав это, горцы удивились,
Но подошли и угостить меня решили чаем.
Уселись рядом, в долгий разговор мы погрузились,
Но многое в словах их речи странный смысл имело,

Подумал я: «А уж не демоны ль ко мне явились»?
Но вида не подал, и продолжал общаться смело.
Нащупав тайно зеркало, я вынул из кармана,
Пещера осветилась, задрожали те от страха,
Ниц предо мною пали, стал один вдруг черепахой,
Другой, что иностранцем был, стал сразу обезьяной.
Повесил на стене я зеркало, они издохли,
У обезьяны полосы на теле проступали
Седых волос, у черепаших лап комки засохли
Земли, мне было странно, как они туда попали.
Затем отправился к хребтам я горным в Цзишань мест-
ность,

В район Тайхэ, где речка Ин текла и пролежала
Падь с зарослями ильма, наполняя всю окрестность
Таким блаженным ароматом, что страна не знала.
Я посетил колодец и ручей светло-зелёный,
Текла вода где ароматная, подобно чаю,
Спросил я лесоруба, отдохавшего у клёна:
– «Что это за ручей такой, где запах как из рая»?
– «Пруд и ручей силой магической обладают,
А жители им восемь раз в году жертвы приносят,
Как только жертвы приносить им люди забывают,
То туча в небо поднимается и вред наносит.
Всегда здесь чёрным облаком всходило испаренье
Из вод, зелёных, и столбом над местностью кружилось,
Затем шёл град, крыш черепицу разбивая всех селений,

Плотину прорывал, всё под напором вод крушилось». Достал я зеркало, направил на тот пруд, строптивый, Вода вдруг начала бурлить, гром прогремел ужасный, Столб брызг там выплеснулся из воды, и громогласно Взревела рыба, на берег упав, как конь ретивый.

14

Была длиною роста человеческих – четыре,
Как руки плавники, с драконьей красной головою.
Рот осетра, таких чудовищ не видал я в мире,
Дышала тяжело, сверкая зелёной чешуёю.
И от неё весь воздух ароматом заполнялся,
Лежала в тине, сдвинуться была не в состоянии.
Я вынул нож, к ней подошёл, прервал её дыхание,
Не мучилась чтоб, много дней её мясом питался.
Затем пошёл я дальше по Бьянчжоу направленью,
Остановился у Чжан Ци, где дочь его лежала,
Днём чувствовала себя сносно, ночью же страдала,
Кричала громко так, что слушать не было терпенья.
Так продолжалось много лет. Я крик этот услышал,
Мне стало жалко девушку, и предложил леченье,
Когда всё стихло в доме ночью, с зеркалом к ней вышел,
Направил на неё его, как начались мученья.
Она вдруг крикнула: «Здесь с гребнем господин убитый»!
Искать тут стали под кроватью, все засуетились,
Петух огромный оказался там, давно зарытый,
Как только его вырыли, страданья прекратились.

Затем отправился на юг я, где хотел остаться,
Так как считал, что юг является моей судьбою,
Возле Гуанлина в Янцицзян собрался перебраться
По переправе, чёрный столб возник вдруг над водою,
Стал сильный ветер волны гнать на чёлн, что кормчий
правил,

И понял я, что волны лодку опрокинуть могут,
вынул спешно зеркало, на шторм его направил,
Стих ветер, стало ясно, мы доплыли понемногу.
Когда хребта Чуфэн горы Шэншань достиг я вскоре,
Стал в дикие еле доступные места взбираться,
Мне стали птицы и медведи злые попадаться,
Кои мне преграждали путь на каждом косогоре.
Но стоило мне только зеркало на них направить,
Они все разбегались прочь, путь мне освобождая.
Раз как-то кормчий меня взялся переправить
Через поток реки Чжэцзян, пороги огибая.

Поток нас сильный нёс и волны были как на море,
Штормило так, что бой о камни далеко был слышен,
Сказал мне лодочник: «Сейчас предчувствую я горе,
Воды здесь уровень в реке становится всё выше.

15

И если тут река сейчас как море разольётся,
То гробом станет здесь для нас желудок большой рыбы,
Мы здесь потонем ведь, о скалы разобьёмся либо,
Спасенья нет, судьба над нами только посмеётся».

Мы к самому опасному ущелью гор подплыли,
Тогда я вынул зеркало, и осмотрел в нём местность —
Приплыли к водопаду мы, по воздуху проплыли
И мягко опустились на спокойную поверхность.
Здесь было тихо, словно в озере вода стояла,
И плавали в ней рыбы, черепахи, крокодилы,
Подняли парус мы, и лодка к берегу пристала,
В густых лесах резвились носороги и гориллы.
Я поднял взгляд, увидел шумный бег вод водопада,
Где всё бурлило, пенилось и брызги разлетались,
Спасло нас зеркало и в нём была моя отрада,
Во мне о страхе лишь воспоминания остались.
Затем достиг горы Тянь-тай я — рай пещер, ущелий,
И ночью пробирался по её лесным ложбинам,
Свечение возникло вдруг в одной из скальных щелей,
Такое что высвечивало камни по низинам.
Свет потревожил птиц в лесах, взлетали в небо стаи,
Кружились надо мной и что-то мне сказать хотели,
Но языка не понял я, о чём они галдели,
Хотя заметил, среди них встречались попугаи.
Когда к горе Хуйцзи я вышел за час до рассвета,
То встретил странника Чжан Ши-луана у пещеры,
Признал я в нём даоса, просвещённого поэта,
С которым были мы одной в ученье «Дао» веры.
Он посвятил меня в премудрости многих учений,
Таких как «Светлый зал», «Девять столбов» и «Круг до-

роги»,

«Шесть панцирей», и рассказал о тайнах мира, многих,
И познакомил с техникой даосов превращений.
Затем с Чэнь Юном я, другим даосом, повстречался,
С которым мы уже домой в обратный путь пустились,
Чэнь Юн своим умом от мудрецов всех отличался,
Мы вволю о тонких субстанциях наговорились.
Потом я в области Ючжан свёл близкое знакомство
С даосом Су Цан-ми, который тайной поделился,
Сказав: «Шестого поколения – я, Су Сунь потомства,
Владеющего даром, он со мною сохранился.

16

Секрет же дара состоит в том, что, при заклинанье
Кинжала, он взлетает вверх и пламя порождает,
Об этом было даже в записях упоминанье,
Что так себя дух воинов защитой ограждает.
Мне объяснил он, чудеса те раньше появились,
Когда они ещё в Фэншэне в древности служили,
В семействе Ли Цзин-шэня дочери три с ними жили,
И, одержимыми став, ночью с бесами сдружились.
Врач пробовал лечить их, но успеха не добился.
Один знакомый Чжао Дань сказал при посещенье,
Чтоб к ним его позвали, и он тут же к ним явился,
И приступил к работе, чтобы провести лечение.
Он поселился в доме их и принялся за дело,
Отец сказал, что дочери его не спят ночами.

Он часто слышал смех, как за окном только темнело,
Мужскую речь, их песни в попережку с их речами.
А днями спали все они, так, что не добудиться,
Худели, а отец семейства только огорчался,
Врач их, как мог, лечил, но ничего не смог добиться,
И вот тогда со мною Чжао Дань и повстречался.
В то время Чжо Дань был в этом месте капитаном,
Он был талантлив и умён, умел решать задачи,
Сказал, чтоб поселил меня тот в этом месте, странном,
И пожелал мне в излечение дочерей удачи.
Я гостем Ли Цзин-шэня стал, где чудеса случались,
И наблюдал за дочерями, спал с их спальней рядом,
Где ближе к ночи они красились и наряжались,
Притом меняли каждый вечер все свои наряды.
А с наступленьем сумерек свет в комнатах гасили,
И слышно было как они смеются, с кем-то шутят,
Так постоянно ночи в доме с кем-то проводили,
Я понял, что у них нечисто, бесы воду мутят.
Пришёл момент, когда они и есть уж перестали,
Им приказали положить конец их всем нарядам,
Они же, умереть как им, задумываться стали:
Повеситься иль броситься в колодец, что за садом.
Не знал, что делать я, и осмотрел без них их спальни,
Все двери комнат на ночь очень крепко запирались,
И через двери попасть было сложно в почивальни,
На окнах были же решётки, и не открывались.

Но все эти решётки подпилит я днями тайно,
Так чтоб проникнуть через них я мог б к ним незаметно,
Они держались, но подпилы были неприметны,
И обнаружить можно было их только случайно.
Когда смеркалось, Ли Цзин-шэнь мне сделал сообщенье,
Что дочери, нарядные в их спальни удалились,
И в первой страже началось то с бесами общенье,
Они смеялись, с ними говорили, веселились.
Решётки сняв, поднялся к ним я, зеркало направил
На них, они, всё это видя, тут же завопили:
– «Убили всех мужей наших, но это против правил!
Что делали б вы, если б всех ваших родных убили?!»
Я ничего не видел и утра стал дожидаться,
Лишь утром я увидел трёх существ, в стене застрявших:
Крота, ласку-самца, и крысу, на полу лежавших,
Когда три дочери, очнувшись, стали пробуждаться.
С тех пор и началось трёх дочерей выздоровленье,
А я отправился на поиск истины познания,
В районе гор Лушань я изучал в скитах ученья,
Которые меняли мудростью моё сознание.
То в старых я лесах бродил, то отдыхал в чащобах,
То, лёжа на лугах, я чистым небом любовался,
То острой бил рыбу, стоя у речных порогов.
Я познавал огромный мир и жизнью наслаждался.
И если тигры или леопарды появлялись.

То стоило мне вынуть зеркало, на них направить,
Они пугались, быстро в чаще леса укрывались,
Я мог любому злу перед собой преграду ставить.
В Лушане на горе жил в хижине Су Бинь Премудрый,
Учёный необъятных знаний и преображенья,
К нему вёл путь через расселены и скалы, трудный,
Но с ним в премудрости ни с кем быть не могло сравненья.
Он изучал законы изменений, превращений,
Всё, что быть может в будущем, угадывал всем верно.
Сказал он мне: «Всё в мире, что подвержено вещенью,
Всё, что живёт, и духом заполняется всемерно,
Находится недолго в человеческом владенье.
Сейчас всё – в хаосе, всё не перестаёт меняться,
И незамеченным в местах чужих нельзя остаться,
Хоть зеркало волшебное вам и несёт спасенье.

18

Но лучше вам отправиться на родину с ним срочно,
Я слышу, говорит оно тихонько мне об этом,
Здесь, на чужбине, ваше положение непрочное.
Чего искать? Что дома есть, вы не найдёте где-то.
Поверьте слову, вам идти уже на север надо
Так как давно вы от корней родимых оторвались,
Дороже родины у человека нет награды,
В каком почёте иль богатстве вы бы не купались».
Пошёл на север я, и сердце радостно забилося.
Когда достиг района Хуанхэ, мне сон приснился:

Во сне мне с грустью зеркало волшебное явилось,
Сказав: «Пока мы странствовали, мир наш изменился,
Ваш брат всегда был добр ко мне, питая уваженье,
Берёг меня, заботился, хочу с ним повидаться,
Но должен я покинуть мир людей и распрощаться,
Уйти и посвятить себя высокому служенью.
Прошу в Чанъань быстрее со мною возвратиться»!
Проснулся я затем от сердца сильного биенья,
С печалью просьбе зеркала был должен покориться,
И повернул стопы на запад, в сторону имения.
Сейчас стою я пред тобой и говорю об этом,
Боюсь, но с этим зеркалом нам нужно распрощаться», -
Сказал, когда вернулся, Ван Цзи брату это,
Брат его крепко обнял и просил не расставаться.
В девиза год тринадцатый «Великие деянья» (617 г.),
Пятнадцатого дня, седьмого месяца под вечер
Звук из зеркального футляра перешёл в звучанье,
Как будто, из далёкой звёздной дали стал дуть ветер.
Затем печальное звучанье перешло в стенанье,
Оно, казалось, из другого мира раздавалось,
Как крик дракона в небе иль тигриное рычанье,
И так в тиши ночной довольно долго продолжалось.
Потом оно затихло, как по мановенью жезла,
Ван Ду вдруг понял, что потери зеркала боится,
Футляр открыл и заглянул в него, чтоб убедиться,
Но ничего там не увидел, зеркало исчезло.

Изгнание лис из дома

(О чём не говорил Конфуций)

В Хайчане в городе Юаньхуа в красивом месте
Богатая семья в роскошном доме обитала,
Трудилась днём на первом этаже вся дружно вместе,
На этаже втором, как ночь придёт, в трех спальнях спала.
Днём как-то поднялась наверх служанка, взять чтоб что-то,

Но дверь наверх закрытой изнутри вдруг оказались,
Она подумала: «Кто там? Там заперся же кто-то?
Ведь домочадцы все внизу, семейство там собралось».
В двери найдя щель, внутрь она тихонько посмотрела,
Увидела, сидит там незнакомец на постели,
Решила, вор влез в дом, найдя на крыше где-то щели,
И стала звать всех, чтоб семья пришельца одолела.
Но человек сказал тут громко: «Всех я извещаю,
Что буду здесь жить, и семья ко мне прибудет скоро,
Понравился этаж мне этот, я переезжаю,
Кровати одолжу и стол, чтоб не возникло спора.
А остальных вещей не нужно нам, кроме постели».
Услышав заявление, домочадцы удивились,
А сразу сверху сундуки с поклажей полетели.
И в тот же день, чужие люди на этаж вселились,

С тех пор с пришельцами всё в этом доме изменилось,
В сердцах у домочадцев страх возник, и все робели,
Хоть дверь наверх, на тот этаж, ни разу не открылась.
Но день и ночь там звякала посуда, и все пели.
Семья смотрела в щель, желая знать, что там твориться,
Полно народа прибыло: и молодых, и старых.
Тогда семья внизу решила с ними подружиться.
Вина, закуски им дала в количествах немалых.
Но после пьянки те посуду в окна побросали,
Хоть сам этот поступок был невежливого свойства,
Но гости наверху уже не так их доставали,
И всё ж, как прежде, все испытывали беспокойство.
И вот семья решила сделать дома очищенье.
В тот день для экзорцизма в дом даоса пригласили,
Когда готовили алтарь, вверху раздалось пенье:
– «Даосы все – обманщики, у них на нас нет силы».
Даос расставил божества, начал своё камланье,
Но вдруг возник, как смерч, поток и выдул всех из дома,
Напрасны были божества, даоса заклинанья,
И сам он вылетел во двор, без ризы и без шлема.
А после этого опять продолжилось гулянье,
Семья послала вновь слугу за помощью к даосам,
Верховный жрец Чжан мудреца отправил с заклинаньем,
Того, искусство чьё повсюду пользовалось спросом.
Тот, в дом прибыв, воздвиг алтарь, зажёг свои куренья,
Молитвы стал читать, из дома нечисть изгоняя,

Но вдруг услышал сверху с этажа всё то же пенье:
– «Даос, ты силы тратишь зря здесь, время лишь теряя».
Вдруг что-то сверху мудреца за голову схватило,
Упал на землю он в крови весь и не смог подняться,
Одежда в ключьях вся была, не стал больше сражаться,
Сказал лишь: «С демонами мне сразиться нет уж силы,
Я думаю, почтенный Съе лишь может потягаться
С такою злою нечестью, он – мастер среди магов».
Отправили прошение, чтоб тот смог за дело взяться.
Тот прибыл через месяц в их дом, прочитав бумагу.
Когда приехал он, то наверху уже не пели,
И сразу же все домочадцы в доме ободрились,
Все верили, что этот Съе достигнет своей цели,
Алтарь он приготовил и сказал, чтоб все молились.
Вдруг с неба света полоса на дом тот опустилась,
По ней сошёл седой весь старец в белом одеянье,
Сказав тем бесам, чтоб компания не суетилась:
– «Смогу я победить Съе магию и заклинанья».
Съе сел напротив зала и начал свое моление,
Затем он бросил на пол чашу, и та закрутилась,
Круг сделав, к лестнице направилась для восхожденья,
На семь ступеней поднялась, но сразу вниз свалилась,
Так как в то время колокольчик зазвонил из бронзы,
Звон шёл из спальни, там же бормотанье раздавалось,
И чаша сразу падала, как только поднималась,
Как будто бы звонили где-то на моление бонзы.

Почтенный Съе не смог осилить зло, как ни старался,
Сказал: «Я истощил все силы, зло здесь победило».
Взяв чашу свою, дом покинул, с той семьёй расстался,
Осталось всё по-прежнему, а время проходило.

Дух бесов, чья безнаказанность, не опасался,
Все каждый вечер песни пели, пили, веселились,
Прошло полгода, в зимний вечер шторм разбушевался,
Застав охотников в пути, те в доме их попросились.

Услышав, что второй этаж весь нечисть занимает,
Они от наглости такой все разом возмутились,
Один из них сказал, что он хозяев понимает:

– «Пусть нам дадут второй этаж, чтоб там мы поместились».

– «Мы бесов выгоним, – сказал он, – чтоб не спать на сту-
жи,

Этаж займём на эту только ночь, без задних мыслей,
Как понимаю, в доме тут шабаш завёлся, лисий,
Охотники на лис – мы, встретим их в двенадцать ружей.
Вы только выпивкой нас в этом доме угостите,
А мы уж выгоним их вон, и в доме будет чисто,
Потом уйдём все на охоту, а вы здесь живите».
Охотник высказал им предложенье так, речисто.
Хозяева накрыли стол, гостей всех напоили,
Те зарядили свои ружья, в воздух палить стали,
Да так, что клубы дыма весь верхний этаж накрыли.
На следующий день из дома лисы все сбежали.

Пойманный призрак

(О чём не говорил Конфуций)

Жил некий Ван Цзимин на берегу реки в Уяне,
Решил перенести отцовский дом к другим строениям,
Которые стояли выше от его имения,
На место, где был его прадеда дом Ван По ранее.
В апреле как-то ночью после долгого кошмара
Проснулся он, увидев призрак у своей постели,
Большого с головой у притолоки в виде шара,
Его глаза во тьме как два светильника горели
Ван смелым был и в миг опасности, не растерявшись,
Набросился на призрак тот, как воин, с кулаками,
Пустился тот бежать к двери, безумно испугавшись,
Но налетел на стену, Ван схватил его руками.
И тут подул ужасный ветер, затушив все свечи.
Ван призрак повернул, чтоб рассмотреть его обличье,
Но у того лицо исчезло, голова и плечи
Казались как бревно, и хохолок торчал лишь птичий.
И руки в тех объятьях до костей заledenели,
Пытался крикнуть Ван, чтоб к нему слуги прибежали,
Но в страшный холод ледяной слова с губ не слетали,
Застывшие же его члены словно онемели.
Собрав всю силу, крикнул Ван, и слуги услышали,

Родня и челядь в его спальне стали собираться,
В то время тело призрака вдруг стало сокращаться,
Приняв младенца вид, у Вана руки задрожали.
Зажгли во тьме свечу, и тут пришли все удивленье,
В руках у Вана комок ватный шёлка оказалась,
И в тот же самый миг снаружи громкий шум раздался,
Осколки кирпича посыпались на дом, как мщенье.
Напугана была родня тем злости проявленьем,
Задобрить шёлковый комочек Вана попросила,
Он рассмеялся лишь, сказав, что этим устрашеньем
Тот призрак хочет показать, что он имеет силу.
– «Ведь призраки, – он молвил, – этим и людей пугают,
Блефуют только, причинить вреда же нам не могут,
Зачем им поддаваться? Страху страхи не помогут,
Убью я призрака им в назидание, пусть все знают».
Взяв факел в руку, а другой – комочек ваты шёлка,
Поднёс огонь, открытый, и тот сразу загорелся,
Потрескивать стал и искриться, и гореть, как ёлка,
Потом вдруг вспыхнул ярким пламенем и разлетелся.
Когда он вспыхнул и горел огнём, темно-астральным,
То потекла из ваты кровь, вся чёрная с гноеньем,
Наполнив дом, как от костра, весь смрадом погребаль-
ным,

Таким, что всё зажав носы, дышали с затрудненьем.
Когда же утром рассвело, соседи все столпились,
Глядя на то, что на земле от призрака осталось,

Кусочки чёрной ваты всё ещё слегка дымились,
Водой тушили их, зловоние распространялось.
Никто не знал, кто этот призрак, и откуда взялся.
Которого убил Ван, и тогда историк местный
Ван Фэн-тин в своей «Летописи» записал, известной,
Его как «Призрак, пойманный», и так он назывался.

Почтенный Мастер Су

(О чём не говорил Конфуций)

Была Ши богатейшей из семей Сусон уезда,
Ши Цань-чэнь имел братьев на всё с равными правами,
В уезде был закон – перед богатыми домами
Иметь столы с едой, где отводилось нищим место.
Семья Ши стол в одном из залов дома накрывала,
Приём всех бедных у семьи «банкетом» назывался.
День каждый, мог любой прийти, наестся до отвала,
Поэтому там без еды никто не оставался.
Раз нищий к ним пришёл, костлявый, с жидкой бородою,
Назвался Су. Когда ел, указал на холм, зелёный,
Что был перед воротами, не очень удалённый,
Спросив: «Вы видели холм, скачущий, перед собою»?
– «Нет», – сразу был ему ответ семьи, единоголосный.
Тогда Су трижды в него пальцем ткнул и помолился,
И трижды совершил прыжок тот холм и опустился.
Все, удивившись, в том, что он – святой, были согласны.
Тут братья Ши его «Почтенным Мастером» назвали,
Сказал он им: «Богаты вы, богаче быть хотите?
Могу помочь, если свои мне деньги отдадите,
Ведь раньше серебро на золото переплавляли.
Я с помощью даосской магии вещь все вещи,

Так как секреты превращений сил небесных знаю,
Могу предсказывать, вводить в транс, насыщать сон ве-
щий,

Я качествами исключительными обладаю».

Вначале братья Ши в его умениях усомнились,

Подумав же, решили испытать судьбу немного,

И потерять излишек, деньги ведь у них водились.

Ну, а получится, тогда и денег будет много,

Построили для плавки печь, решив за дело взяться,

Монет десяток тысяч серебром собрали вместе,

Надеясь, что монеты в золотые превратятся,

Работа началась, и стали ждать благие вести.

Но тут жена второго брата подлой оказалась,

И незаметно от Су медных денег набросала.

Медь, с серебром смешавшись, превращенью помешала,

В котле сплав, раскалённый, забурлил, и печь взорвалась.

И молнии удар дом поразил с огромной силой,

От этого удара крыша дома развалилась,

Разбилась черепица, серебром всё облепило,

Су Мастер объяснил всем, почему так получилось:

– «Я сделал всё, как надо, как учение велело.

Из серебра вы получить все золото хотели,

Но кто-то подмешал медь и испортил мне всё дело,

А боги, наблюдая всё, обман ваш не стерпели».

Ши братья меж собою стали в деле разбираться,

Открыв, что медь одна из братьев жён в сплав подмешала,

Весть о могуществе Су стала тут распространяться

А уваженье к мастеру сильнее возрастало.

Раз Мастер в воздух бросил медный таз, так восклицая:

– «А ну-ка, в него падайте монеты поскорее»!

Монеты застучали в таз, его дно заполняя,

Таз, полный денег, вскоре опустился на аллее.

Почтенный Су тут братьям говорит: «Пойдёмте в горы,

Подальше от селений, вы такой же таз найдёте,

Я помогу вам в этом и служить буду опорой,

Как сделаться поистине богатыми, – поймёте.

Я покажу гору Лу вам в Цзянси с её дарами,

Богатства вы нигде такого раньше не видали».

И согласились братья, деньги все в дорогу взяли,

Отправились в путь, путешествуя между горами.

Раз ночью братья меж разбойниками оказались,

Те с факелами и мечами грозно подступали,

Но Мастер Су сказал им, чтоб воров тех не боялись,

Он – их главарь, и лучше, чтобы деньги им отдали.

– «Вы добрые, – сказал он, – а добро ценимо нами,

Поэтому не бойтесь умереть, домой ступайте.

Вреда не причиним вам, но всё золото отдайте».

И братья, всё отдав, домой пошли между горами.

Прошло лет десять, прибыл из Аньцина стражник с ве-

стью,

Что схвачен Су, и нужно в личности им убедиться,

Поэтому они должны на суд срочно явиться,

И вора опознать, присутствуя на казни месте.
Пришлось в Аньцин им ехать, и участвовать в допросе,
Почтенный мастер Су разбойником с гор оказался,
С трудом им верилось, что вор был скрыт в святом даосе,
В беседе с ними откровенно Мастер Су признался:
– «Я попросил властей, чтоб обо мне вас известили,
Настало моё время, умереть не сожалею.
Ценю я дружбу с вами, к вам привязанность имею,
Прошу вас об одном, чтоб вы меня похоронили».
Он снял и отдал им четыре золотых браслета,
Сказав, что их цена покроет похорон расходы:
– «Должна моя казнь состояться в первых числах лета,
Придите, чтоб проститься, я найду вас среди народа.»
В день казни братья видели на площади с толпою,
Как их Почтенный Мастер ждал у плахи отсечения
Главы своей, с руками, связанными за спиною,
И не испытывал ни радости ни огорченья.
Вдруг рядом с ними маленький ребёнок появился,
Сказал им голосом даоса: «Дух я испускаю,
Смотрите же! Туда смотрите, как я умираю»!
И пала голова на землю, а ребёнок скрылся.

Любовник уток

(О чём не говорил Конфуций)

Ян Гуй, в уезде Гаоань района Цзяньси живший,
Был человеком молодым и стройным, простодушным
И очень привлекательным. Он, прозвище носивший
«Любовник уток», всегда к сексу был равнодушным.
В манерах мягкость проявлял, послушный от природы.
Был вежливым в общенье, не лишённым чувства такта,
Стремясь сломить сопротивление любого рода,
Не знал в любви отказа в достижении контакта.
Раз летним днём в пруду одной деревни он купался,
Вдруг селезень, приблизившись, его в зад клюнул нежно,
Затем хвостом ударил и к нему весь сам прижался.
Вначале Ян бездумно отпихнул его небрежно.
Но селезень всё приставал, и не давал покоя,
Вначале он рукой отбиться от него пытался,
Но тот всё лез к нему, и чувства проявить старался,
И Яну надоел, он средство применил другое:
Хлестать в сердцах стал селезень, руками и ногами,
Так продолжалось долго и закончилось печально,
Любовник был убит, лежал с открытыми глазами,
Трагедия в сближении лежала изначально.
Ян тело рассмотрел, лежащее на водной глади,

Увидел стебелёк у хвостового оперенья,
Мясистый, из которого сочилось выделение,
И оставляло след у лапок, неподвижных, сзади.
А местные все этот эпизод смешным считали,
Увидев Яна с женщиной, над ним все потешались,
Но этот случай тех лишь привлекал, как б ни смеялись,
С тех пор Ян Гую прозвище «Любовник уток» дали.

Дух каменной черепахи

(О чём не говорил Конфуций)

Студент жил в Уси, привлекательный и утончённый,
По имени Хуа. Он и семья свой дом имели
На берегу реки, где храм был, школа для учёных
Конфуцианцев, в их семье все знаниями владели.
У храма был большой мост, каменный. Все примечали
Его изысканность и красоту. А летом знойным
В тени его все путешественники отдыхали,
И сам Хуа там наслаждался досугом спокойным.
Раз вечером решил он возле храма прогуляться,
Вдруг девушку в соседнем переулке заметил,
Стоявшую в дверях, чтобы луной полюбоваться,
Его взгляд заинтересованный её взгляд встретил.
Решил он с нею поболтать и оказать вниманье,
(Она приветливым его ведь взглядом одарила)
Направился к ней, видя то же самое желанье,
Но та, опомнившись, с улыбкой двери затворила.
Хуа запомнил дом, красавица где обитала,
А через день её увидел вновь на том же месте,
Она как будто бы его, там стоя, ожидала,
Сама сказала, что хотела бы побыть с ним вместе.
– «Но мой отец – смотритель школы, – так ему сказала, –

Ко мне нельзя. Мы можем только у тебя встречаться,
Сними мне комнату, где я б смогла тебе отдаться,
Давно ты нравишься мне, за тобой я наблюдала».
Ликующий Хуа слуге дал дома указанье,
Чтоб, приготовил комнату тот где-то в отдаленье
В их доме, а жене сказал, что у него желанье
Есть спать отдельно ночью от жары изнеможенья.
Той ночью ждал красавицу, сгораемый желаньем,
Когда пришла, то вёл к себе её он в предвкушенье
Утех любовных с ней, что превзошли все ожиданья.
С тех пор ночь каждую не прекращались посещения.
Прошло шесть месяцев. Хуа вдруг стал худым и бледным,
Родители заметили здоровья ухудшенье,
За ним следили, чтоб понять причину истощенья,
И поняли, что встречи с девушкой для Хуа вредны,
Раз ночью в спальню, чтоб застать их вместе, к ним ворва-
лись,

Но девушка исчезла вмиг, как будто испарилась,
Сын им признался, что их связь уже полгода длилась,
Родители, узнав подробности, разволновались.
Наутро, чтоб узнать о ней всё, школу посетили,
Но там не числился смотритель, дочь свою имевший,
О девушке никто не знал, кого бы не спросили,
И дом, где видел её сын, давно был уж сгоревший.
Когда родители узнали, то прониклись страхом
И поняли, что сын их с приведением общался,

Который в девушку-красавицу и превращался,
И приняли решение обратиться в храм к монахам.
Все заговоры, талисманы бесполезны были,
Полученные от монахов, как и наставленья,
Красавица всё приходила, они вместе жили,
Ночами придавались страсти до изнеможенья.
Тогда родители студенту киновари дали,
Сказав: «Когда придёт, намажь ей где-нибудь на теле.
Чтоб проследили мы за ней и место увидали,
Куда она пойдёт, и де живёт, на самом деле».
Когда пришла красавица, и вместе они спали,
Студент намазать волосы сумел ей незаметно,
Наутро же родители, следя за ней, узнали,
Что в храм Конфуция её следы вели приметно,
Но на пороге храма они будто обрывались,
Как видно, возле входа та девица исчезала,
Вдруг слышат, одна женщина там мальчика ругала
За то, что его брюки где-то в краске измарались.
– «Ты где играл»? – его спросила. Тот сказал со страха:
– «У стелы, той, что возле школы, мы там все играли,
Вблизи её стоит там каменная черепаха».
На ней и обнаружили следы той киновари.
Родители о ней начальству школы сообщили,
Оно поверило им сразу и пришло к решению,
Разбить ту черепахи, и её расколотили,
А камни в реку сбросили, согласно их прошенью.

Когда останки черепахи молотом крошились,
То из камней кровь, киноварью брызгая, летела,
Среди обломков галька яйцевидная блестела,
После чего красавицы визиты прекратились.
Прошло полмесяца, красавица вновь появилась,
Пришла к Хуа в ту комнату, где раньше с ним встречалась,
И стала упрекать его за то, что настрадалась:
– «За что мне наказания? В чём я так провинилась?
Скажи мне, я какое совершила преступленье,
Чтоб форму мою старую разрушили жестоко?
Я – не в обиде, важно лишь твоё выздоровленье.
Хотя родители и поступили со мной строго.
Но принесла с собой я из Страны Бессмертных травы,
Смотри, я для тебя их попросила в Царстве Вечном,
Нетленна красота где, где царят благие нравы,
Чтоб быстро выздоровел ты, мой милый друг, сердечный.
Ведь я тебя люблю, и буду проявлять заботу,
И с этих пор любовь нас связывает, неземная,
Твоя – я, для тебя любую сделаю работу,
А без тебя совсем немислима мне жизнь иная».
И, несколько листков, она, ему дав, ароматных,
Заставила его съесть, чтоб поправилось здоровье,
Хуа их прожевал, во рту вкус ощутив приятный,
И вмиг как будто бы наполнился весь новой кровью,
В мгновенье ока выздоровев, силу ощущая,
Он чувствовал влеченье к ней, всё в нём восстановилось,

Слились они в экстазе вновь, друг друга обнимая,
И с этого момента связь любовная продлилась.
В ту ночь она сказала: «Я немного изменилась,
Ведь раньше я совсем другую формой обладала,
Жила недалеко и у тебя в гостях бывала,
Сейчас я не могу так. Вот бы я здесь поселилась» ?!
С тех пор она в доме родителей Хуа осталась,
Всё делала по дому, не пила только, не ела.
Её все видели, жена претензии имела,
А та в ответ на оскорбленья тихо улыбалась.
Жена всегда следила, чтоб муж с нею оставался,
Чтоб не делил ни с кем он ложе, у себя держала,
В него вцепившись крепко, но как только засыпала,
Муж шёл к любовнице, и с нею срасти предавался.
К тому же, после трав его здоровье укрепилось,
И никакая уж болезнь его не доставала,
А после страстной ночи его сила возрастала,
Такое состоянье дел их больше года длилась.
Хуа наткнулся как-то на даосского монаха
Тот осмотрел его и невзначай как бы заметил:
– «Вы одержимы чем-то между радостью и страхом,
Ваш ореол над головой то тёмный, а то светел.
Скажите мне, что радует вас, а что угнетает,
Откройтесь мне, иначе вы приблизитесь к кончине.
Печальтесь и радуетесь по какой причине?
Ведь то, что в вас внутри, по сути, вами управляет».

Студент всё рассказал ему, тот выслушал с вниманьем.
Даос же предложил ему вина в доме питейном,
А после разговора дал ему два заклинанья
Сказав ужу в конце беседы голосом елейным:
– «Повесьте заклинание одно на двери спальни,
Другое же повесьте над кроватью, где вы спите,
Но женщине об этом ничего не говорите,
А сами проведите ночь с женою в почивальне».
Судьба ваша ещё не решена, как я считаю,
В девятую луну я к вам приду домой для встречи,
Пока ж на рассудительность я вашу уповаю».
Сказав, он сразу же ушёл, взвалив мешок на плечи.
Шестой шёл месяц, и Хуа в тот день, домой вернувшись,
Повесил на местах, указанных, те заклинанья,
Когда их дева увидала, резко повернувшись,
Сказала, что не в силах удержать негодование:
– «Опять вы стали холодны! Хотите всё ж расстаться
Со мной? Но заклинаньем вам пугать меня не нужно,
Зачем нам ссориться? Ведь жили мы всё время дружно,
Я помогала вам, хотите, без меня остаться?»
Хоть тоном вызывающим и резким говорила
И видно было, как с трудом себя сдержат старалась,
Но в его комнату с листками всё же не входила,
Потом, остыв немного, дева всё же рассмеялась:
– «Ещё раз постараюсь, чтобы вы определились,-
Я расскажу вам тайну, если вас интересует,

Хоть люди обо мне везде и многое толкуют,
Но многого не знают, как бы не рядились.
Но вы сначала обереги эти уберите».

Хуа снял заклинанья, и она вошла свободно,
Сказав: «Меня не зная, не срамите принародно.
О том, что думаю о вас я, вы узнать хотите?
Вы привлекательны, и я б хотела стать женою,
Быть с вами, но вас любит тот даос, об этом знайте,
Он хочет быть вашим наставником. Так выбирайте,
Хотите вы делить кровать с ним, или быть со мною?»

Хуа был поражён, узнав монаха устремленья,
Которые скрывал тот, дружбу навязать стараясь,
Факт этот убедил возобновить с ней отношенья,
И вновь они слились в объятиях, не расставаясь.
Раз в середине осени Хуа был с девой вместе,
Они сидели у окна, луною любовались,
Студент своё услышал имя, когда целовались,
Его позвал кто-то, и он не усидел на месте,
Спустился в сад и увидел даоса меж кустами,
Тот поманил его к себе и, взяв его за руку,
Сказал: «Умрёт дух девы, решено так небесами,
Я знаю, что с её концом, ты испытасяшь муку.
Пришёл я, и её у вас из дома забираю
Я уже знаю, что она меня оклеветала,
А вот за эту клевету её я не прощаю,
Моё терпенье истошилось, она лгуньей стала».

И вновь он написал ему святые заклинанья,
Сказав: «Иди, они тебе её связать помогут,
Не обращай внимания на все её стенанья,
Уступки все в противоречье с Небом войти могут».
Студент пошёл домой, но по пути заколебался,
Родители, подслушав разговор их, всё узнали,
С женой, взяв, заклинанья, руки девушки связали,
Жена была в восторге, её муж ведь ей достался.
Тогда несчастная к Хуа с мольбою обратилась:
– «То, что моя окончена жизнь, я давно уж знала,
Но всё покинуть и уйти совсем не торопилась,
Была я влюблена в тебя, и это понимала,
Что мы, совсем расставшись так, друг друга уж не встре-

тим.

Поэтому я и решила в доме задержаться,
Но вот беда моя пришла, я не могу сражаться,
И мне приходится в конце концов смириться с этим.
Мы расстаёмся навсегда, прощай же мой любимый,
Прошу тебя, в тень спрячь меня от лунного сиянья,
Луны луч – это смертный приговор, неодолимый,
Прошу пощады в миг последний с жизнью расставанья».
Студент, услышав её речь, не в силах видеть муки,
Не мог сдержаться и не сделать шаг к её спасенью.
Он быстро, оттащил её тень, развязал ей руки,
Почувствовав любовь к ней и большое облегченье.
А дева, прыгнув вверх, в полоску дыма превратилась,

И этот дым, рассеявшись, на небеса поднялся
Даос, издав крик, в воздух прыгнул и за не умчался,
Что стало с ними там? – в истории не говорилось.

Призрак, играющий с петардой

(О чём не говорил Конфуций)

Когда-то особняк был в Шаосине. Он сдавался
Богатым путешественникам для увеселений,
Но вдруг хозяином закрылся без уведомлений,
По слухам, говорили, что там призрак появлялся.
Однажды один путник туда на ночь попросился.
Хозяин объяснил ему, что он не возражает,
Чтоб тот с пожитками в восточной части поселился,
Но только беспокойно ночью там, предупреждает.
Тогда спросил тот, в чём же кроется тут суть намёка?
Хозяин объяснил: «Дом как бы стал местом хранения,
Не знали мы, что где-то рядом есть захороненья,
И вот узнали, там могилы были недалёко.
Вначале стройки двое наших слуг там поселились,
Однажды вечером мы крик оттуда услышали,
Как будто там у них умалишённые бесились,
Увидели их бледными, когда мы прибежали.
Когда те говорить смогли, то нам всё рассказали:
– «Ложились уже спать мы, и все свечи потушили,
Но вдруг во тьме какой-то шум снаружи услышали.
Прислушались, есть кто-то в нашей комнате, решили,
Подняли занавесь кровати, сразу обомлели,

Как будто бы с товарищем в другой мы мир попали,
Стоял огромный монстр, его глаза на нас глядели,
А мы словно застыли там, что предпринять, не знали.
А этот монстр хотел к нам как бы присоединиться,
Мы испугались, закричали, бросились наружу.
Мы увидали рядом монстра, можем побожиться,
Такого, что на всех способен навести он ужас».
И после них никто не хочет в зданье оставаться»,-

Закончил свой рассказ хозяин этими словами.

Но путник рассмеялся и сказал: «Зачем бояться
Заранее того, что возникает перед нами?

Я попытаюсь провести здесь ночь и убедиться,

Что монстров в мире нет, и быть не может, в здравом
Смысле,

А то, что им почудилось, то им могло присниться.

Я ж отдохну в тиши здесь, приведу в порядок мысли».

Хозяин отговаривать стал, но студент остался,

Тогда всё привели в порядок для ночного бденья,

Когда стемнело, он сел в центре, мысленно собрался,

Взял меч, зажѐг свечу и стал ждать монстра появленья.

Глубокой ночью, наконец-то, он чудес дождался,

Вначале было тихо, но возникло дуновенье,

Повеяло прохладой, в углу дальнем звук раздался,

Вдруг начал появляться призрак или приведенье.

То приведенье на слугой описанное походило.

Вскочил на стул монстр, средь вещей и книг стал рыться,

Лежащих на столе, затем вдруг начал суетиться,
Открыл сундук и вытащил иголки, нитки, мыло,
Рассматривать стал вещи тщательно, их изучая,
Затем петард взял связку из Хуйчжоу, со вниманьем
Рассматривать стал фейерверк, свечою освещая,
Искра попала на фитиль, случилось возгоранье.
Раздался взрыв, который на пол призрак опрокинул,
Тот стал юлой крутиться, всхлипывая и стеная,
Затем, как обезумевший, студента кров покинул.
А тот аж до утра не спал, всё монстра поджидая.
Но монстр, ночной тот, не вернулся, видно, испугался,
Всё было тихо, лишь сверчки на улице пищали,
Студент хозяину всё рассказал, тот посмеялся.
С тех пор тот особняк уж призраки не навещали.

Очарование Яна Касьона

(О чём не говорил Конфуций)

Был Сиротой Касьон Ян ещё в годы малолетства,
Его отец погиб во время гарнизонной службы,
Был дядей Чжоу взят в его семью, во имя дружбы,
И рос с детьми его всегда, и предан был им с детства.
Командующим Чжоу был в Хэчжоу на заставе,
Над сиротой он сжалился и воспитал как сына,
Когда подрос Ян, все его считали господином,
Владел оружием он, разбирался и в уставе.
Была у Чжоу дочь, всегда к нему благоволила,
По возрасту считалась с ним почти что однолетка,
(А дядя – дальний родственник – имел того же предка)
Питал симпатию Ян к ней, она его любила.
Семья вся Чжоу, строгая, блюла такт и приличья,
Контакты разрешались им во время лишь застоля,
Хоть и смотрел Ян на неё со скрытою любовью,
Но избегал встречаться с ней или общаться лично.
Был родственник ещё У, пользуясь семьи защитой,
Жил в доме их, но спал в покоях, от них отдалённых,
Он в дочь Чжоу, казалось Яну, тоже был влюблённый.
Но вида не показывал и был сам очень скрытный.
Раз как-то осенью не мог заснуть Ян ночью душной,

Решил немного погулять, размять ноги и плечи,
Вдруг видит, Чжоу дочь идёт ему прямо на встречу,
В конце же ночи оба сблизились единодушно.
Наутро встретились, так как все вместе умывались,
Как будто ничего меж ними не происходило.
Слегка оба кивнув, улыбками лишь обменялись,
Как сон всё было то, что их любовь соединила,
Но с этих пор все ночи та была в его постели.
Однажды У проснулся, смех у Яна раздавался
И женских голос, будто там в два голоса запели.
Узнав, чей голос, У от ревности разволновался.
Решил отцу всё сказать, что честь дочь потеряла,
Ведь раньше он, питал надежду с ней соединиться,
Она же планов жизненных его не оправдала,
Когда сказал всё Чжоу, тот не мог не сокрушиться,
Пошёл к жене, стал говорить, жена же удивилась,
Сказав, что о распущенности быть не может речи,
Так как все ночи дочь спит с ней, и очень возмутилась,
Отец не знал, что ему думать, вывал У для встречи.
Тот начал утверждать, что был свидетелем разврата,
И Чжоу Яна удалил из дома под предлогом.
Когда тот уезжал, дочь, встретив с видом, виноватым,
Сказала: «Я найду тебя, поговорим о многом».
Своих средств не имея, лишь поддержку семьи Чжоу,
Ян ограничен в действиях был, не имел работы,
Нашёл убежище в старинном храме лишь Ланчжоу,

Туда и прибыла дочь, чтобы оказывать заботу
Об Яне с возом яств, одежды, денег, украшений,
Сняла большой дом (спали они вместе на кровати)
Свела знакомства быстро с представителями знати,
И как супруги стали жить, не ведая лишений.

Ян счастлив с нею был, испытывая наслажденье,
И ни о чём не думал и ничем не занимался,
Но всё ж спросил, его нашла как местонахожденье,
Сказала та, что её дядя в здесь же оказался:

– «Мой дядя Ву пост получил военного министра,
Он и привёз меня сюда со всей моей поклажей».

И Ян поверил ей, забыл о разговоре быстро,

И то, что сказанное – правда, не проверил даже.

Раз дядя жены Чжоу с Яном в храме повстречался,

Сказав: «Не знал, что здесь вы в этом городе останови-
лись».

Ян пригласил его к себе, тот с Чжоу увидался,

И удивлён был встрече, вместе все повеселились.

Потом же дядя думал, почему не сообщили

Ему о связи Яна с дочкой Чжоу, по секрету,

Как видно, от стыда событие это от всех скрыли,

Так как всем этим делом честь семьи была задета.

Он с молодыми несколько ещё дней оставался,

Потом же по своим делам отправился в Хэчжоу,

Чтоб разузнать подробности все, с братом повстречался,

И сообщил ему о прошлой встрече с дочкой Чжоу.

Но брат был удивлён, слышав это сообщенье,
Сказал: «Не может быть! Дочь моя дома, непременно,
Не может в двух местах же она быть одновременно,
Видать, всё это – магия и лисье превращенье».
Жена его добавила: «Это – лисы уловки,
Которая поступками семьи честь очерняет,
Стараясь выдавать себя за нашу дочь – ход ловкий,
В то время как свою суть лисью от людей скрывает.
А если мы ему дочь настоящую покажем?
Посмотрим на реакцию, и как он удивится.
Хотим мы замуж выдать за него, ему так скажем,
Что тогда делать будет он, как с нами объяснится»?
Решили оба брата, что идея превосходна,
И занялась семья вся свадебным приготовленьем,
И объявили о дне свадьбы людям принародно.
О своей свадьбе получил Ян вести с удивлением.
А дома женщина, его невестой оказавшись,
Спросила: «Смотришь, будто что-то ты не понимаешь»?
Он рассказал о своей свадьбе, и та, рассмеявшись,
Сказала: «Расскажу тебе всё то, что ты не знаешь.
Лиса – я, мой секрет поведаю тебе, как другу,
Знай, я из чувства благодарности здесь появилась.
Когда-то раньше твой отец мне оказал услугу,
Которая мной до сего момента не забылась.
Когда отец твой, генерал, был жив, то всего более
Любил охоту он, считал её своей судьбою.

Но вот, раз как-то, я была поранена стрелой,
Он её вынул из меня и отпустил на волю.
За доброту его, и чтоб в долгу мне не остаться,
Искала я возможность, чтоб с тобою подружиться,
Чтоб долг исполнить, за добро добром же расплатиться,
Чтоб мне клейма неблагодарности не опасаться.
Я поняла, что на пути – осуществить желанья -
Есть трудности в семье с сватовством с твоей любимой,
Поэтому я применила все свои старанья,
Чтоб не были твои препятствия неодолимы.
Кончено, раз друг другу предназначены судьбою
Вы оба, то судьба вас обязательно б связала,
Но вдруг бы что-то вам соединиться помешало?
Вот сватовство улажено для вас и было мною».
Слова эти сказав, лиса исчезла в то ж мгновенье,
Но Яна всё ж ещё сомнения одолевали.
Он услышал на улице какое-то движенье -
К его особняку друзья с невестой прибывали.

Трансформация души собаки Хуа

(О чём не говорил Конфуций)

В Пекине юноша жил, симпатичный, Чаном звали,
Имел собаку с именем Хуа, был к ней привязан,
Как неразлучные друзья, всегда вместе гуляли,
И как-то раз своим спасением ей был обязан.
Случилось как-то, что одним днём солнечным, весенним,
Они отправились в Фэньтай цветами любоваться,
А вечером домой уж поздно стали возвращать,
Народа почти не было – луна везде и тени.
К несчастью, проходил их путь через поляну,
Немного в стороне от всех и общего гулянья,
А там на ней лежало трое хулиганов, пьяных,
Которые и начали свои к ним приставанья.
От них ряд непристойных получил Чан предложений,
Но он ответил им достойно и с большим презреньем.
Отказ услышав, перешли те к мерам устрашенья,
А вслед за этим совершили трое нападенье:
Набросились на Чана и на землю повалили,
И стали целовать его, срывать, что на нём было,
Хоть он сопротивлялся им, но сил всё ж не хватило
Их одолеть, и наконец, они его скрутили.
Когда же поняла Хуа, что Чану смерть грозила,

То бросилась к нему на помощь, лая и кусаясь.
Один из тех пьянчуг бросать стал камни, защищаясь,
Разбил ей череп, и та пала ниц, дух испустила.
Потом все трое вместе, связав руки, ноги Чана,
Лицом на землю вниз несчастного перевернули,
Рубашку, брюки и трусы с него стянули,
И собирались приступит к осуществленью плана.
Один из них разделся и достал свой «корень силы»,
Хотел его ввести уже в проход между ногами,
Но тут, откуда не возьмись, собака вдруг завyla,
Их начала кусать, и корень вырвала зубами,
Затем ему, пах разорвав, яички откусила.
А хулиган орал от боли, кровью истекая,
Друзья его, оставив Чана, другу жизнь спасая,
Домой поволокли, спеша, а там смерть наступила.
Собака же исчезла, как внезапно появилась,
Чан, от ремней освободившись, на ноги поднялся,
Всё пережитое на него разом навалилось,
Себя превозмогая, он домой еле добрался.
Наутро он отправился на место преступления,
Нашёл убитую Хуа, как другу, поклонился,
Затем по правилам всем совершил там погребенье,
В ту ночь, когда он спал, ему печальный сон приснился,
Хуа с ним говорила: «Я всегда тебя любила,
Ты добр ко мне всю жизнь был, и когда всё то случилось,
Хоть умерла я, но моя душа во пса вселилась,

Что был в бобовой лавке, и тем пьяным отомстила.
Теперь, когда я умерла, могу я быть спокойной,
Так как осознаю, что хорошо я послужила
Тебе, за всё хорошее хоть чем-то отблагодарила,
Спокойно буду спать в моей обители покойной».
В тот день Чан побывал в бобовой лавке рядом с местом,
Спросил хозяина о псе, сказал тот: «Что он знает,
Такого пса, и кормит изредка творожным тестом,
Но это – старый пёс, и никого он не кусает.
Но, ночью этой он в крови весь где-то извалялся,
Что с ним произошло, я не имею представленья».
Потом узнал Чан, что скончался от кровотечения
Той ночью человек, который часто напивался.

Хозяин перекрёстков и дорог пресечения

(О чём не говорил Конфуций)

В году пятнадцатом Цзянлуна царского правленья (1745)
Торговец шёлка из Чжэньцзяна Чэн раз возвращался
К себе домой, в пути в пустынном месте оказался,
Гора Цзо серебрилась вся при лунном освещенье.
Вдруг выбежал из-за кустов, из-за плиты, могильной,
Ребёнок, маленький, и заслонил собой дорогу,
И начал в сторону к себе его тянуть за ногу,
По лошади похлопал стороной ладони, тыльной.
Чэн понял, что он – призрак, пнул его и стал ругаться,
Тот усмехнулся лишь, и от него не отцепился,
А вскоре и другой ребёнок рядом появился,
Стал за руку тянуть его к себе и рассмеялся.
Один тянул к стене, всю затенённую тенями,
Откуда на него летели грязь и испражненья,
Другой тянул ко рву, всему заросшему кустами,
Оттуда градом камни сыпались и оскорбленья.
Из глубины рва крики приведений доносились,
Как будто с лошади они его стянуть желали,
А вскоре рядом и другие дети появились

От дёрганий с толчками Чэна силы оставляли,
Они, его толкая, над ним стали насмехаться,
При этом все они с разных сторон его лупили,
Из-за него между собой начали духи драться,
В конце концов, его с коня на землю повалили,
Конь убежал, готовился Чэн с жизнью уж расстаться,
Вдруг духи закричали: «Мастер Лэн сюда несётся,
Поэтому должны мы все с дороги разбежаться,
Иначе встреча с ним нам всем несчастьем обернётся.
Ведь он пытается помочь всем путникам и нищим,
И он хоть и начитан, но весьма для нас опасен,
К тому же, отвратителен, и вместе с тем, ужасен,
Уж лучше мы попрячемся все по своим жилищам.
В тот миг мужчина по дороге шёл большого роста,
Слегка при каждом шаге его плечи поднимались,
Он по ладони веером бил, такт считая просто,
И песню громко пел: «По речке волны растекались...»
Он направлялся к Чэну и нисколько не боялся,
С дороги в это время же все духи разбежались,
Мужчина, посмотрев на Чэна, громко рассмеялся,
Спросил: «Что? Эти духи вас немного домогались?
Не беспокойтесь за себя, вы – под моей охраной,
Не бойтесь их, вас защитит мой сопровожденье,
Я провожу вас и покину на рассвете рано,
Идёмте, может, вместе мы продолжим наше пеньем»?!
Поднялся Чэн, и вместе они путь свой продолжали,

Запели. Понял Чэн, что ничего уж не боится.
Прошли так вёрст десяток. Горизонт начал светиться,
И ночь закончилась, лучи всё небо освещали.
Тогда тот Мастер Лэн промолвил, к Чэну повернувшись:
– «У вашего мы дома, ну и нам нужно прощаться».
Чэн поклонился и спросил: «Но прежде чем расстаться,
Скажите ваше имя». И сказал тот, улыбнувшись:
– «Меня зовут Лэн Чю-цзян, я живу на перекрёстке
Дорог пересечения всех, что у Ворот Восточных».
Он повернулся и исчез в светящейся полоске
Светила и оставил нитку из следов песочных.
Домой Чэн хоть и без коня вернулся с облегчением,
Дней несколько его в семье от грязи отмывали,
Когда пришёл в себя, послал слуг, чтобы отыскали
Спасителя дом, чтоб к ему пойти с благодареньем.
Но дома не нашли там, само место пустовало,
Лишь позже он узнал, что там имение стояло
В эпоху Шуньчжи, Чю-цзян был главой того имения -
Хозяин перекрёстков и дорог пересечения.

Нерадивый студент У

(О чём не говорил Конфуций)

В году тридцатом императора Цянлун правленья (1760)
Глава уезда Лу Шичан, известный среди учёных,
Был послан для географического уточненья
Карт местных с результатами исследований новых.
Со стороны он переписчиком проекта нанял
Студента У из Сучжоу, который поселился
В Фэн резиденции уезда, комнату где занял,
Перед работой за день всем коллегам поклонился,
Сказав: «Умру я скоро, и боюсь, что вам придётся
Доканчивать всё то, что я здесь делать буду с вами».
Все удивились тут, спросив, ему как удаётся,
Так будущее знать, где он ждёт встречи с небесами.
Сказал он им «Когда сюда я только направлялся,
Через уезд Пэй ехал, женщина меня спросила,
Могу ли взять её я в экипаж, я растерялся,
Сказав ей, у меня нет полномочий и нет силы,
Чтоб пригласить её, ведь рядом места не хватало,
Я путь продолжил дальше, к удивлению, большому,
Заметил, что она от экипажа не отстала,
Бежала двадцать ли по спуску горному, крутому.
Когда я кучера спросил, что мыслит он об этом,

То он ответил мне, что никого не замечает,
И тут я понял, что нас сзади призрак догоняет,
Поэтому у кучера был свой резон ответа.
Когда же я решил в гостинице остановиться,
То ночью эта женщина мне на кровать подседа,
Сказала: «Почему бы нам сейчас не поженится?
Обоим нам по двадцать лет. Ты против? В чём же дело» ?!
Я был убит её присутствием и предложеньем,
Но всё, что я мог сделать, запустить подушкой с пухом.
В мгновенье ока тут она исчезла приведеньем
И всю ночь её голос слышал я над своим ухом.
Всю ночь она слова о нашей свадьбе повторяла,
Я спать не мог, та как она меня заговорила,
Но имени, как меня звали, не произносила.
Известного лишь каллиграфа имя называла.
И не было уже конца её надоеданью.
– «Оставь меня в покое, у меня просить всё можешь,
Что хочешь, – я сказал ей, – откуплюсь любой данью»!
Она сказала: «Двести златых на чердак положишь,
Тогда отстану, можешь на меня ты положиться».
Я сделал то, но деньги там на чердаке остались,
Нетронутыми, домоганья ж дальше продолжались.
И я не знаю, как всё может у меня сложиться».
Услышав эту повесть об ужасном положении,
Коллеги наблюдение за ним установили,
И двух его друзей побыть с ним рядом попросили,

Но через день пришли все от несчастья в потрясенье.
Из комнаты студента крик ужасный вдруг раздался,
Друзья к нему ворвались, и картину увидали,
Лежал в крови он на полу, и весь от боли сжался,
Живот разрезан был, кишки оттуда вылезали.
А рядом нож лежал, но комната была пустая,
Никто кроме него в ней там не находился,
И горло было перерезано, язык ввалился,
А из артерии лилась по горлу кровь густая.
Друзья его подняли на кровати уложили,
Он утверждал, что боли им ничуть не ощущалось.
Об этом случае сразу префекту доложили,
Когда пришёл Лу, то расследование началось.
У в воздухе иероглиф начертал «судьбы несчастной».
Префект Лу у него спросил тут: «Что это такое»?
Сказал тот слабым голосом: «Влечение роковое,
Из-за чего и стала жизнь моя такой ужасной.
Она ночной порой пришла ко мне и предложила,
Чтоб я, покинув этот свет, чтоб поженился с нею,
Я ей сказал: «Я ничего с собою не имею».
Тогда она передо мной нож этот положила.
Его воткнул себе в живот я, закричав от боли,
Она смотрела на меня и видела страданья.
Массаж мне сделала в том месте, приложив старанья
И всё прошло, и боли не почувствовал я более.
Но я не умер и спросил, что делать дальше нужно,

Она рукой на своём горле жестом показала,
Я полоснул по горлу, и опять кровь побежала,
Но смерть не шла всё, я от боли корчился натужно.
Она опять массаж мне горла быстро совершила,
Чтоб я больше не мучился, и боль прошла мгновенно,
Она мне показала место, где смерть непременно
Могла прийти, но тут меня оставила вся сила.
Но смерть не приходила всё, и это было диво,
Тогда она, на меня глядя, очень рассердилась,
Сказав: «Всё бесполезно! И какой вы нерадивый,
Убить себя даже не можете», и удалилась.
В то время в комнате, друзья мои все появились»
Префект Лу выслушав, послать врачей распорядился,
Врачи все раны осмотрев, что жив он, удивились,
Зашили все порезы, У в сознание находился.
Прошло немного времени студент У поправлялся,
Когда здоровым стал, работу ту возобновили,
Об этом случае потом все много говорили,
Но призрак тот, исчезнув, больше уж не появлялся.

Патриарх всех магов лисьих

(О чём не говорил Конфуций)

В деревне Дай уезда Яаньчэн дева молодая
Была соблазнена, и заколдованной вдруг стала
Обычным демоном, но вскоре от его всех чар устала,
Решив бороться с ним, свою невинность сохраняя,
Направила в храм бога Гуанди своё прошение,
Который находился в части, северной, деревни,
Сожгла письмо, как и предписывал обряд всем, древний,
И демон сразу прекратил свои поползновенья.
Раз ночью после этого её родным-домашним
Приснился сон один, где бог в военном снаряженье
Сказал: «Я – Чжоу, генерал, я по распоряженью
Гуанди пришёл вам сообщить всем, что днём, вчерашним,
Я обезглавил демона, которого к ответу
Привлечь просил один из членов вашего семейства,
Преступника судил я за свершение злодейства,
Чтоб не было повадно демонам всем всего света.
Но тем казнённым демоном лис старый оказался,
И он имел среди демонов друзей, довольно сильных,
И за него для мщенья весь подземный мир собрался,
Мне битва с ними предстоит в глубинах бездн, могиль-
ных.

Нужна поддержка ваша мне, вы завтра приходите
В наш храм бога войны, иметь мне вашу помощь важно,
И цины с барабанами с собою приносите,
Сражаться вместе с демонами будем мы отважно».
И утром члены той семьи все к храму поспешили,
Позвали и соседей, чтобы те им помогали,
Свирели, барабаны, гусли, цины прихватили,
Народ в большом количестве у храма там собрали.
Услышали вдруг в небе топот лошадей, небесных,
Доспехов звон, раскаты огненных мечей, сверкавших,
Ударили и барабаны, гимн войны игравши,
Стоявшие у храма люди сред рогаток, тесных,
А вскоре дымом храма двор заволокло и выси,
И на деревню падать с неба тела лисьи, стали.
Той ночью генерала Чжоу лик все увидали,
Сказал он: «Оскорбил я Патриарха магов лисьих,
Забив так много воином и слуг из его рода,
Он подал на меня в небесный суд иск с обвиненьем.
А также Императору небесного народа.
И вскоре судьи начинают дела изученье.
Надеюсь я, что вы поможете мне защититься».
Сказав так, генерал селянам низко поклонился,
Назвал всем место с временем, где суд должен совершить-
ся.

Услышав те слова, народ деревни возмутился,
Решили все за генерала Чжоу заступиться,

Пришли в тот день, выстраиваться стали у врат храма,
И ждали с замираньем в сердце, чтобы поклониться.
А в полночь прибыл Император с личной охраной,
А с ним со слугами седой старик на паланкине,
С дощечкой из алмазов: «Патриарх всех лисьих магов»,
Имел он зубы острые с резцом посередине,
И брови белые. Все слуги шли степенным шагом.
Затем сам бог войны Гуанди шёл, всех приглашая
В свой храм, гостям показывая всем своё смирение.
И Лисий Патриарх тут сразу начал обвиненья,
Своею пылкой речью выиграть суд, полагая.
Сказал он: «Жажду, чтоб всё прояснилось в этом деле,
Конечно же, лис, молодой, заслуживал расправы
За действия, развратные. Вы в этом были правы,
Но его подданные ведь вины же не имели,
Но были все убиты вашим славным генералом.
За что? – я спрашиваю. – Разве это справедливо?
Ведь праведность и справедливость правят тем началом,
Где каждое добро всех, как неоспоримость, живо.
Что сделал генерал, то – непростительно жестоко»!
При этом бог войны кивнул, как будто согласился,
Себя все люди тут почувствовали одиноко,
Упали на колени все и начали молиться,
Просить, чтоб жизнь их генералу судьи сохранили.
Один студент меж них, имевший имя Чжоу тоже,
Сказал: «Седы вы уж, но, как и раньше, хитрым были,

Но хитрецом таким быть в вашем возрасте негоже!
И это лично вы должны просить здесь снисхожденье
За ваших подданных, не видящих в разврате края,
Которые здесь женщин соблазняли, развращая,
Ведь только вы ответственны за всё их поведение.
Вы ж были патриархом тех постыдных извращенцев!
И это нужно лично вас казнить, всем в назиданье!»!

С улыбкой старец обратился к общему собранью:
«В разврате вы хотите нам отдать ряд преференций?
Но сами-то вы разве не развратны по природе?
Чисты ли вы все с жёнами, друг другу изменяя?
И разве речь может идти здесь о моём народе?
Вы сами этим занимаетесь, от всех скрывая.
И если уж зашла речь о разврате, то скажите,
Какое наказание есть за это преступленье?
Не казнь у вас за это же, а просто избиенье?
Так что же, вы за это всё нас всех казнить хотите?
И генерал ваш не прибег ли к чрезвычайным мерам?
Когда мог просто выпороть его и кончить дело?
Но он не сделал так. Где ж справедливость вашей веры?!
Так поступая, можете дойти вы до предела».

Пред тем как слово Чжоу дать, вердикт всем зачитали:
– «Наш Император, разобравшись в деле, так считает,
Хоть и порок каким-то образом мы наказали,
Но Император справедливо всё же полагает:
«В законах, чтоб не поддаваться увлеченьям новым,

Чтоб злоупотребленье не было закономерным,
Считаем в деле этом бденье против зла чрезмерным,
А наказанье за то преступление суровом,
Но все ж, заслуги Чжоу во вниманье принимая,
Что помогал всему селу он не из пользы личной,
От приставастья лис всех сельских женщин избавляя,
Сослать в Хайчжоу в ссылку Чжоу из гвардии столичной,
И в наказанье один год оставить без оплаты
За службу его, без материального довольства,
Чтоб осознал всё, чувствуя себя, как виноватый,
Не применял бы впредь жестокость никакого свойства».
Крестьяне, слыша это, радостно завосклицали,
Хвалу воздали Небесам коленапреклонённо,
За мудрость Неба, на колени встав, молиться стали,
Потом отправились домой все удовлетворённо.

Обманутые женой бога

(О чём не говорил Конфуций)

У Врат Хуцу жил эскулап Ту Чье-лу, всем известный,
Его невестка Ву сестрою младшей приходилась
Достойному чиновнику, чей образ честный
Был образцом для подражания, им семья гордилась.
В сорок шестом году Цянлун государя правления (1776)
Ву увидела сон, где Ли печатник в храме, близком,
Просил у неё милостыню с текстом сутр, буддийским,
Пророчествуя в будущем пожары, разоренья.
Ли убеждал её, что милостыню собирает
Для бога, ведь способен тот предотвратить несчастья,
Так как помочь всем может, поменять всё – в его власти,
Он сильный, всемогущий, он всё может и всё знает.
Ву госпожа была убеждена на половину,
Тогда печатник приводить событий стал детали,
Места и имена в его рассказах совпадали,
С событиями теми в эту страшную годину,
Но многое из тех вещей ей слышать было странно,
И многое в действительности там не совпадало,
К тому же, Ли о многом говорил весьма пространно,
Ву колебалась. Но вдруг рядом женщина сказала:
– «Дня третьего, а месяца девятого случится:

Произойдёт воспламененье, город пострадает,
Семья же ваша будет первой, в картах говорится,
Никто из вас не выживет, гадалка это знает».

Так в жёлтой блузке, красной кофте женщина сказала:
– «Никто на том пожарище из ваших не спасётся,
Но чтоб беду предотвратить, вам нужно для начала,
Сжечь деньги в храме, всё предотвратить ведь удаётся
Пожертвованием и обряда соблюдением».

Открыв глаза, Ву о печатнике всё разузнала,
Ли умер, и прошло три года после погребенья,
О женщине в той блузке ничего так не узнала.
Но всё же не могла она рассеять подозренья,
Пошла в храм бога местности, чтоб богу помолиться,
Её увидела там, не могла не удивиться,
То была статуя и жена бога, без сомненья.
Тогда спросила у соседей Ву о совпаденье,
То все они были напуганы и поспешили
Собрать как можно больше денег для их подношенья,
И выражая храму преданность, фонд учредили.
Настал девятый месяц, семья дома не осталась,
К родным в дом переехала, огня не зажигала,
И не готовила, три дня прожить так постаралась,
На третий день всё, как всегда, спокойно и стояло.
Не знала Ву, что думать, когда храм вновь посетила,
То ли богиня храма прихожан всех обобрала,
То ли пожар в их доме всё же так предотвратила,

То ли на платье, новое, себе денег собрала?

Хорошенькое маленькое приведение

(О чём не говорил Конфуций)

В Цзиньлине парень молодой жил, его Гэ все звали,
Любивший выпить и всегда действовать жестоко,
Обычно люди все знакомств и встреч с ним избегали,
Имел друзей он, не чувствуя себя одиноко,
Любил пристать, запугивая гадостью ужасной.
Раз рано утром в парке Юхайтай он был с друзьями,
Вдруг видят чёрный гроб торчит, разбитый, меж корнями
А из него свисает наземь угол юбки красной.
Друзья его, возьми тут, и с ним выкинули шутку,
Сказав: «Ты, малый, хорошо людей других пугаешь,
Не хочешь ли в гробу побеспокоить ту малютку,
Иль ты лишь с беззащитными людьми в испуг играешь»?
Смеясь, сказал Гэ: «Почему б нет? Это ж не опасно»!
И, к гробу подойдя, сказал: «Эй девка, просыпайся!
Пойдем со мной, я угощу тебя вином, прекрасным.
А после пьянки, обслужить меня уж постарайся».
Друзья Гэ рассмеялись, оценив его браваду,
И каждый по делам своим пошёл своей дорогой.
Заметил к ночи Гэ, что получил свою награду,

За ним шла тень, передвигая ноги понемногу.

– «А, это – ты идёшь, – сказал он, – маленькая шлюшка, Вина хочешь попробовать, и мне потом отжаться?»

Ну, что ж, пошли в трактир, какой-нибудь, моя подружка».

И он пошёл туда, наедине что с ней остаться.

Поднялся на второй этаж, вина чтоб выпить с нею,

Кувшин взял и налил две чашки, и они общались,

Шутить стал, шапку снял, обмахивая ею шею,

Никто не видел духа, а над Гэ все потешались.

Узнать хотели все, с кем он так резво веселится,

А он болтал без умолку, всё больше напиваясь.

В конце сказал, из-за стола встав, с лестницы спускаясь,

Оставив шапку на столе: «Мне нужно облеγχится».

Слова услышав эти, тень кивнула головою,

Ждать стала, в это время Гэ домой уж направлялся,

А бармен в баре поздно на работе задержался,

Увидев шляпу, взял её и тень вместе с собою.

В ту ночь им маленькое приведенье овладело,

Как только спать ложился, сну устало отдаваясь.

Он бормотал, смеялся, вскрикивая, то и дело,

К рассвету же повесился в бреду, не просыпаясь.

Хозяин же трактира, этот случай обсуждая,

Сказал: «Я думаю, она людей не различала,

Могла лишь шляпу видеть, и её лишь замечала.

Была хорошенькой, как видно, девушка такая».

Духи, претворяющиеся, что говорят по-мандарински

(О чём не говорил Конфуций)

Однажды суперинтендант по транспорту в Хэндоне
Ву Юнь-цун был секретарём Палаты наказаний,
Шёл праздник и, чтоб посмотреть народное гулянье,
Служанка его сына вывезла на фаэтоне.
Во время праздника ребёнок наземь помочился
В одном из мест, безлюдных, на обочине дороги,
И там, когда он писал, не смотрел себе под ноги,
В траве лежащий череп человека рассердился.
Ребёнок вдруг заплакал, плакал, не переставая,
Служанка с ним в тревоге сразу же домой вернулась,
Никто не понимал, что стало с ним, её пытая,
И с этим детским плачем ночь та медленно тянулась,
Но плач затих, и тут раздался говор мандаринский:
«Какой ужасный мальчик! Ты нанёс мне оскорбленье.
Описал голову мне, накажу за униженье.
Начнёшь ты с этого дня говорить лишь по-пекински».
И вновь раздался плач и до утра так продолжался,
Наутро написал Ву богу города прошение,
Отнёс в храм, сжёг, и богу сделал жертвоприношение.

Затем молиться стал, до вечера там оставался.
В письме писал он: «Я владею диалектом юга,
И вся семья оттуда, сын по недоразумению
Пекинского случайно духа оскорбил в забвенье,
Тот напугал его, и сын мой плачет от испуга.
От всей души прошу вас с глубочайшем к вам почтеньем,
В серьёзном этом деле поскорее разобраться,
И сделать всё, чтоб сына наступило облегченье,
Я ж буду до смерти вам угодить во всё стараться».
И в эту ночь истерики ребёнка прекратились,
Уснул он, как младенец, не произнеся ни слова,
Но на другую ночь плачь, крики вновь возобновились,
Ребенок начал говорить по-мандарински снова:
– «Вы ведь чиновник ранга, низкого, по положенью,
А мы, пекинцы, друг за друга держимся все дружно,
За то, что нанесли вы с сыном брату оскорбленье,
Чтоб искупить вину, вином вам напоить нас нужно».
Была спокойной жена Ву, скандалов не любила
Всегда стремилась добротой размолвки все исправить,
Пошла на рынок духам снеди и вина купила,
Сказав: «От нас вино вам, и прошу вас нас оставить».
Не так легко покончить с той проблемой оказалось,
Когда все духи досыта наелись и напились,
То некотором буйным того мало показалось,
Поэтому они, напившись, враз раздухарились,
Кричать жене все стали, чтобы им вина подали,

Мясное, рыбное и заливное попросили,
Жена им с рынка приносила, они всё съедали.
Буянить начали, уже на визг переходили.
Услышав этот буйный шум, Ву к сыну устремился,
И дал ему пощёчину, угрозы повторяя:

– «Ты что?! С кем говоришь, болван, иль ты совсем за-
былся?»

Речь выбрал императора (1), на ранги не взирая!

Как можешь ты, кретин, на этом языке ругаться,

Себя чиновником или царём воображая?

Я покажу тебе, что здесь не стоит забываться»!

Он сына по щекам лупил, все руки отбивая.

В отчаянье, он вновь составил в храме том прошение

О том, что духи те же в его сына вновь вселились,

Просил у бога города их дома очищение,

Так как те только пили, всем мешая, веселились.

В тот вечер в доме Ву семьи хлыста щёлк раздавался,

Из комнаты одной, всем было слышно: «Мы клянемся,

Не бейте, хватит, просим вас, сюда мы не вернёмся»!

Там после этого дух не один не появлялся.

Пояснение:

1. На пекинском (мандаринском) диалекте говорили, в основном, чиновники и официальные лица императорского двора.

Пьющий бог города

(О чём не говорил Конфуций)

Студент по имени Шэнь Фэн-ю из Ханжоу вышел
В секретари судебные в одном Укан уезде,
Работа нравилась ему, хоть был он всех и ниже
По службе, оставаясь на одном и том же месте.
Приказ как-то пришёл в отдел арестовать пирата
По имени Шэнь Ю-фэн и попал в руки другого,
Решил тот подшутить, подставить своего собрата,
Места «Ю» поменял с «Фэн», был в восторге от такого,
И подчеркнул то место красной тушью, забавляясь.
А получилось, что студент Шэнь сделался пиратом,
Ему он показал приказ, при этом улыбаясь,
Сказал: «Как видно, ты являешься тем виноватым,
И ждёт тебя арест». Шэнь посмотрел на всё серьёзно,
Бумагу сжёг, в графе поставил, что приказ утрачен,
А ночью увидел сон, что полицией был схвачен,
И приведён в храм бога города был на суд, грозный.
Бог города сидел на троне, приступив к дознанию:
– «Ты – тот пират, от рук кого столько людей погибло?!
В аду ты палок заслужил, чтоб зад тебе отшибло».
Позвал он стражу, приказав, исполнить наказание.
Шэнь стал протестовать, себя студентом называя,

А не пиратом. Бог от слов пришёл в негодование,
Сказав: «На ваше имя нам прислали предписание,
Хотите нас запутать, преступления скрывая?!

Вот из Укан уезда нам послали подтвержденье,
Где значится ваша фамилия и службы место.

А также ваш ранг должности и местоположенье,
Считаете, ошиблись там служители уезда?»

– «Сегодня этот вот указ сжигал я самолично,
Так как не верен он, и со мной шутку разыграли,
Зарекомендовал себя на службе я отлично,
Проверьте, данные сомнения не вызывали».

– «В подземном мире, – сказал бог, -у нас ошибки были,
Но наши бюрократы, на земных ведь не похожи,
Хотя и изредка случаются ошибки тоже,
Но тут как день всё ясно, как бы вы там не юлили».

Бог страже дал приказ, и Шэня к лавке потащили,
Как не протестовал он, приступили к наказанью,
Терпел побои Шэнь, когда те палками лупили,
Придумать ничего не мог, смягчить чтоб истязанье.
Ему шепнул один страж, над спиною наклонившись:

– «На Небе если справедливого суда хотите
То где-нибудь другого магистрата поищите,
Так как бог города наш любит выпить, судит, спившись».
Шэнь посмотрел на бога и заметил следы пьянства,
Нос синий, щёки красные, отёки под глазами,
Следы, кто выпивает с регулярным постоянством,

И понял, что с таким судьёй умрёт под батогами.
Решил бог дать ему для каторги сопровожденье,
Когда вели его, то храм Гуанди им повстречался,
Шэнь закричал: «Ведут невинного на осужденье,
Я невиновен!» Бог войны услышав крик, вмешался,
Спросил, за что тот осуждён, Шэнь рассказал о деле,
Тот разбираться стал, и тут раскрылись все детали,
Бумаг взяв, бог написал: «Студента задержали,
Невинного, хотя для этого прав не имели.
Бог города судил его в нетрезвом состоянье,
Такое разбирательство на Небе не годится,
За это понесёт заслуженное наказанье,
Считаю, что он должен своей должности лишиться.
Виновен также начальник судебного отдела,
Который взял работника, который не годится
Для канцелярии судебной в рассмотренье дела.
Он за три месяца всех премий и зарплат лишится.
А что касается секретаря суда Юань Ая
Который жизнями так легкомысленно играет,
Кому-то оставляет, у кого-то отнимает,
Всё – ради шутки лишь, жизнь у него я забираю.
А что касается вас, принимаю я решение:
Жаль, что когда вас били, вам кишечник повредили,
Умрёте, в этой жизни ничего вы не свершили.
Но вы как сын родитесь в семье в Шаньси в воскресенье.
Когда вам будет двадцать, вы экзамены сдадите

В столице, и получите высокий пост. Вы рады?
То будет за мученья в этой жизни вам наградой,
Поэтому сейчас ещё немного потерпите!»!

Когда проснулся Шэнь, была боль резкая в желудке,
Позвал к себе друзей он, так как в помощи нуждался,
И рассказал историю ещё в здравом рассудке,
Прошло три дня, и он от боли в животе скончался.

Юань узнав о смерти Шэня очень испугался,
Оставив службу сразу, он в свой город возвратился,
Но вскоре он какой-то там болезнью заразился,
Его рвать стало кровью, через три дня он скончался.

А вскоре у начальника судебного отдела
Вдруг обнаружили, что он к работе относился
Небрежно, в беспорядке и расстройстве было дело,
За что он на три месяца довольствия лишился.

В то время в городе одно событие случилось:
(Видать, причиной стали пьянка или нерадивость)
Вдруг бога города статуя, рухнув, обвалилась,
Поэтому на небесах есть тоже справедливость.

Два великих способа взаимодействия с духами

(О чём не говорил Конфуций)

Лю Чжэн-рэнъ говорил, чтоб люди духов не боялись,
Советует он способ тот, к чему все прибегают:
Когда увидят духа, чтобы сразу не пугались,
«Невидимое ведь невидимым и побеждают».
На дух влияет эффективно духа выдуваньё,
И в мире нашем способы есть духа устрашенья -
Страшит из всех их человеческое лишь дыханье,
Оно страшнее, чем мечом или копьём владеньё.
У Чжан Цзи-ши о борьбе с духом – собственное мненьё:
Когда увидишь духа, главное – здесь не бояться.
Согласен, в схватке главное – есть сразу наступленьё,
Когда напор, то трудно всем на месте удержаться.
Когда столкнёшься с духом, всё равно его не ранишь,
И если победишь ты, то тебе – все поздравленья,
Спокойным нужно быть при проигрыше иль везеньё,
Ведь в проигрыше худшее – когда сам духом станешь.

Бессмертная проститутка

(О чём не говорил Конфуций)

Гора Сидзи есть под Сучжоу с непростым названием,
На ней обителью бессмертных пик Юньай зовётся,
Взойдёт на пик кто, стать тому бессмертным удаётся,
И многие пытаются подниматься со стараньем.
Раз был студент по имени Фан в мрачном состоянье,
Так как на всех экзаменах терпел лишь поражение,
И он решил на гору Сидзи сделать восхождение,
Чтоб там на пике обрести бессмертного сознанье.
Он взял еды и всё необходимое с собою,
С семьёй своей простился, и подъем его начался,
А вскоре на плато вверху, безлюдном, оказался
Средь тонких облаков и трёх деревьев с синевою.
Его глаза невдалеке заметили движенье,
Как будто женщина среди деревьев пробиралась
Подумал он, что женщина здесь редкое явленье,
Их не должно быть среди бессмертных, как ему казалось.
Поэтому он напрягал глаза, стремясь всмотреться,
И женщина, его увидев, удивилась тоже,
Как в зеркало их прошлого они стали глядеться,
Она была на проститутку, что он знал, похожа.
Её Съе Чонньян из Сучжоу все в борделе звали,

В которую шесть лет назад он пламенно влюбился.
Она была красавицей, мужчины примечали
Её, поэтому знакомством с нею Фан гордился.
И Съе, обрадовавшись, что они были знакомы,
Взяв за руку, с улыбкой в лоб его поцеловала,
И пригласила в хижину из веток и соломы,
Где не было дверей, но пол листва древ покрывала.
Съе рассказала все события, что с ней случились:
– «Как мы расстались, арестована была я Ваном,
Который бил меня день, не переставая, пьяным,
Раздел и голую лупил, что кожа облупилась.
Но, несмотря на боль и униженья, я терпела,
Он бил и истязал, я продолжала унижаться,
Ведь я красавицей была, и нравиться хотела,
И как я после этого могла всем показаться?
Тогда придумала я план, как выбраться оттуда,
Сказала, что мне нужно в храм для жертвоприношенья,
Но вместо этого, я совершила восхожденья
На пик Юань, покончить с жизнью, но свершилось чудо.
Я бросилась с утёса, но запуталась в лианах,
Которых множество на горных склонах разрасталось,
Спасла меня в горах одна старуха утром рано,
И после этого я в этом месте оказалась.
Старуха, сняв лианы, корешками накормила,
И знанья, многие, мне от даосов передала,
Как концентрировать энергию мне, научила,

И после этих знаний я в горах бессмертной стала.
Сейчас я голода и холода не ощущаю,
Сперва ещё я состоянья своего страшилась,
Но страха за собою я уже не замечаю,
Видать, я в своём теле полностью переродилась.
Вчера ко мне старуха с того пика приходила,
Сказала, что любовника я своего здесь встречу,
Не думала, что будешь ты, с кем дружбу я водила,
Поэтому на все твои вопросы я отвечу.
Но мне скажи, тот Ван, он умер иль в живых остался»?
Студент спросил: «Уж неужели тебя месть всё гложет?
Ведь ты сейчас бессмертной стала. Я с ним не встречался.
И если ты убьёшь, неужто смерть его поможет»?
Она сказала: «благодарна я за это Вану,
И если б не было его, то что б со мною стало?!
Нет, ненавидеть я давно его уж перестала,
И мстить за то, что он мне сделал, Вану я не стану.
Но слышала о нём я весть, и не могу поверить,
Старуха видела, как его розгами пороли
На Небе по приказу бога за жестокость что ли,
Иль то ли за разврат, вот это я хочу проверить».
– «Раз видели его на небе, значит, он скончался, -
Решил студен, – видать, за жизнь имел грехов он кучу,
Как знаю я его, он добротой не отличался,
А, может, били там за то, что проституток мучил»?
Сказала Съе: «Но в мире нам не все вещи даются,

А те, кого красавицы и секс не задевает,
Кому они, однако же, свою любовь являют,
Они-то истинными мудрецами остаются.
А те, кто к сексу и красавицам не равнодушны,
Кого всегда и ко всему любовь одолевает,
Которые всем проявлениям чувств послушны,
Они есть люди настоящие, всё понимают.
Кто в красоте и сексе ничего не понимает,
Кто никаких к ним чувств в душе и сердце не питает,
Кто ни сочувствия, ни сострадания не имеет,
Является тот зверем, его Небо презирает»
Когда меня бил Ван, чтобы снискать расположение
У губернатора – конфуцианца по морали,
Хотел он очень выслужится из-за поощренья,
Считая, что он прав, а у меня кости трещали.
Таких вот типов Небо ещё больше презирает,
Я думаю, что у него есть много преступлений,
Которые ни небеса, ни боги не прощают,
Вед всё живое на земле – небесное творенье».
Спросил студент: «Бессмертные ведь чистотой блистают,
А ты же проституцией ведь раньше занималась,
Как стала ты бессмертной? Ведь такого не бывает.
С твоим-то прошлым как же ты бессмертной оказалась?»
Она сказала: «У нас, каждого, душа нетленна,
Секс права собственности по природе не имеет,
Любовь мужчины с женщиной есть сущность всей Вселен-

ной,

Любой из нас, по сути, своим телом не владеет.
Мясник, отбросив нож, Буддой становится мгновенно,
И проституция других дел, многих, не грешнее,
Ведь бросив дело, мы становимся, обыкновенно,
Другими, и желаем быть, грубее иль нежнее».
Студент решил с ней планом о грядущем поделиться,
Сказал, что хочет стать бессмертным, на горе остаться,
Спросил, нельзя ли в её хижине с ней поселиться,
Пока он знания с нею обрести будет стараться.
– «Добро пожаловать, – сказала Съе, – но ест сомненья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.